

ЛЮМЕН · 01

КОГДА ПОГАС ЭКРАН

МАРК ВЕЙНАР

Марк Вейнар

Когда погас экран

<https://litres.ru/74421328>

SelfPub; 2026

Аннотация

Восемнадцать лет назад в старом кинотеатре «Люмен» вспыхнул пожар. Молодой киномеханик погиб, семнадцатилетняя Соня Волкова исчезла, а пятеро её друзей дали полиции показания, после которых каждый научился жить со своей версией вины. В 2026 году завещание владельца кинотеатра снова собирает их вместе. Чтобы сохранить здание, юрист Мира Зорина должна за восемнадцать месяцев вернуть «Люмен» к жизни. Но инженер по безопасности Артём Белов — мужчина, которого она когда-то любила и потеряла, — обязан признать кинотеатр аварийным. Пока они спорят, в стенах обнаруживаются обгоревшая плёнка, тайные письма и доказательство того, что Соня могла пережить пожар. Теперь Мире и Артёму предстоит понять, можно ли спасти прошлое, не запирая в нём живых людей, и возможно ли построить любовь заново, если никто больше не имеет права решать за другого.

Содержание

ПРОЛОГ. Последний сеанс	5
ЧАСТЬ I ПЯТЬ КЛЮЧЕЙ	15
ГЛАВА 1. Пять ключей	15
ГЛАВА 2. Аварийный выход	25
ГЛАВА 3. Восемнадцать месяцев	33
ГЛАВА 4. Трещина	42
ГЛАВА 5. Пятый ряд	52
ГЛАВА 6. Человек у двери	63
ГЛАВА 7. Семь дней	70
ГЛАВА 8. То лето	77
ГЛАВА 9. Красная лента	84
ГЛАВА 10. Голос Павла	92
ГЛАВА 11. Цена участка	99
ГЛАВА 12. Подпись Белова	107
ГЛАВА 13. То, чего не было в комнате	115
ГЛАВА 14. Пыль в луче	122
ГЛАВА 15. Команда без доверия	129
ГЛАВА 16. Дом, который не ждёт	137
ГЛАВА 17. Фонд «Люмен»	143
ГЛАВА 18. Первый эфир	149
ГЛАВА 19. Чужой жених	155
ГЛАВА 20. Условия помощи	161
ГЛАВА 21. Правила безопасности	166

ГЛАВА 22. Письмо Олега	171
ГЛАВА 23. Комната Олега	176
Конец ознакомительного фрагмента.	177

Марк Вейнар

Когда погас экран

ПРОЛОГ. Последний сеанс

18 июня 2008 года

Когда в «Люмене» погас свет, Мира сначала решила, что это Даня.

Он весь вечер говорил, что нормальное кино начинается не с изображения, а с темноты. Произносил это с тем серьёзным выражением, которое появлялось у него всякий раз, когда он переставал быть семнадцатилетним мальчишкой и становился режиссёром собственного будущего. Поэтому, когда экран побелел, проектор захлебнулся, а люстры под потолком одновременно умерли, Мира даже засмеялась.

— Очень смешно, Чернов.

Её голос ушёл в зал и вернулся тонким эхом.

Никто не ответил.

В темноте справа кто-то резко вдохнул. Слева зашуршала ткань кресла. Потом Ева сказала:

— Даня?

Она произнесла его имя уже не раздражённо, а так, словно проверяла, не исчез ли он вместе со светом.

Мира нащупала в кармане телефон. Экран загорелся си-

ним прямоугольником и выхватил ближайшие кресла: вытертый красный бархат, пыль на деревянных подлокотниках, колени Кости, белую ладонь Сони на спинке впереди.

Соня сидела не там, где должна была.

За минуту до этого она стояла у прохода, прижимая к груди металлическую коробку с плёнкой. Даня просил отдать её, Соня отвечала, что сначала хочет проверить последний фрагмент. Они спорили шёпотом, но в пустом кинотеатре любой шёпот становился частью фильма.

Теперь коробки у неё не было.

— Где плёнка? — спросила Мира.

Соня повернула голову. В свете телефона её лицо казалось чужим: слишком бледным, с тёмными глазами и полосой размазанной туши под нижним веком.

— В аппаратной.

— Ты отдала её Дане?

— Я сама поставила.

— Ты же не умеешь.

— Матвей показал.

Из-за последнего ряда донёсся стук. Не падение — три коротких удара, как будто кто-то пытался открыть заклинившую дверь плечом.

Андрей поднялся.

— Матвей?

В ответ что-то глухо ударилось о металл.

На этот раз никто не засмеялся.

Они пришли в «Люмен» через служебный вход в десять вечера. Кинотеатр закрыли на реконструкцию месяц назад, хотя все в городе знали: реконструкцией называли паузу перед сносом. На фасаде висел баннер с изображением будущего торгового центра — стеклянного, сияющего, похожего на огромный холодильник. Отец Сони собирался построить его здесь к следующему лету.

Павел Громов, хозяин кинотеатра, упрямо отказывался продавать участок. Даня говорил, что старик просто любит проигрывать красиво. Соня говорила, что Павел не старик. Ему было сорок шесть.

Матвей, помощник киномеханика, оставил им дверь открытой. Он должен был включить проектор, показать Даниин двадцатиминутный фильм и выгнать всех до полуночи, когда охранник обходил здание. Простая глупость, одна из тех, которые в семнадцать кажутся последним свободным поступком перед взрослой жизнью.

Фильм назывался «Шестой ряд».

Даня снимал их весь год: Еву за пианино, Костю в фотолаборатории, Андрея в школьной радиорубке, Миру на пустыре у старых домов, Соню на крыше «Люмена». Он задавал каждому один вопрос: «Кого ты боишься потерять?» Ответы должны были прозвучать в финале, но Соня принесла другой кусок плёнки. Она сказала, что на нём — правда о её отце и о том, почему кинотеатр закрыли.

— Если вы это увидите, — произнесла она перед началом,

— назад уже не получится.

— Куда назад? — спросил Андрей.

— В жизнь, где мы делаем вид, что ничего не знаем.

Теперь свет погас, а из аппаратной пахнуло чем-то едким.

Мира почувствовала запах раньше, чем увидела дым.

— Выходим, — сказал Костя.

Он всегда говорил тихо. Поэтому, когда голос прозвучал жёстко, все послушались.

Даня появился у бокового прохода. Фонарик в его руке метался по стенам.

— Дверь аппаратной заперта изнутри.

— Матвей там? — спросила Ева.

— Не отвечает.

Соня шагнула к нему.

— Плёнка осталась внутри.

— Плевать на плёнку.

— Тебе — может быть.

Даня схватил её за руку.

— Сонь, там дым.

Она вырвалась.

Это движение Мира будет вспоминать восемнадцать лет. Не крик, не огонь, не сирены — лёгкий поворот Сониного запястья, будто она освобождалась не от пальцев Дани, а от всей жизни, в которой другие решали, что для неё безопасно.

В глубине здания хлопнуло. По потолку прошла дрожь. Из вентиляционной решётки над экраном вырвался серый

язык дыма.

— На улицу! — крикнул Андрей.

Они побежали к боковой двери. Мира считала шаги, хотя не понимала зачем. Двенадцать до прохода. Семь до лестницы. Три до ручки.

Ручка не повернулась.

— Её заклинило, — сказал Костя.

— Толкай.

Они навалились втроём. Дверь дрогнула, но не открылась. За ней, совсем близко, был двор, воздух и ночь. Между ними стоял кусок металла, который ещё утром считался аварийным выходом.

Даня светил телефоном в сторону фойе.

— Через главный.

— Там решётка, — напомнила Ева.

— Матвей говорил, ключ у охранника.

— Где охранник?

Никто не знал.

Соня стояла на ступенях, ведущих к аппаратной. Дым уже опускался ниже. В его серой массе её светлое платье казалось единственным неподвижным предметом.

— Соня, — сказала Мира.

Та посмотрела на них.

— Он заберёт всё.

— Кто?

— Отец. Если плёнка сторит, он скажет, что здесь просто

случилось короткое замыкание. Что Павел сам виноват. Что Матвей был пьян. Что нас вообще не было.

— Нас не должно было быть, — выпалил Андрей.

Соня усмехнулась.

— Вот именно.

Она побежала вверх.

Даня рванулся за ней, но Костя перехватил его поперёк груди.

— Отпусти!

— Мы все здесь сдохнем.

— Она вернётся!

— Тогда встретим её снаружи.

Мира не помнила, кто первым увидел дверь за экраном. Возможно, Ева. Возможно, свет от телефона случайно выхватил узкую щель в чёрной драпировке. Они оттащили край тяжёлой ткани и нашли технический проход, заваленный старыми декорациями.

Доски, гипсовая колонна, фанерное солнце из детского спектакля.

Они разбирали завал руками. Занозы входили в ладони, дым жёг глаза. Андрей кашлял так, что не мог стоять. Даня всё время оборачивался на лестницу.

— Соня! — кричал он.

Над ними вспыхнул свет.

Не электрический. Оранжевый.

Огонь показался в окне аппаратной и за секунду превра-

тил стекло в яркий прямоугольник. Раздался треск — сначала мелкий, потом оглушительный. Стекло посыпалось в зал.

Даня перестал звать.

Они протиснулись в проход. За ним была узкая лестница, ведущая к двери во двор. Здесь воздух оставался прохладнее. Костя выбил плечом засов. Ева упала на колени уже снаружи и прижала ладони к асфальту, будто боялась, что земля тоже исчезнет.

Мира обернулась.

«Люмен» горел изнутри, но снаружи выглядел почти целым. За высокими окнами двигался огонь, как красная плёнка в проекторе. На фасаде будущий торговый центр улыбался нарисованными людьми.

— Где Соня? — спросил Андрей.

Даня попытался вернуться к двери.

Костя снова удержал его.

— Я пойду, — сказал Даня.

— Ты не пожарный.

— Она там.

— Мы не знаем.

— Она там!

Сирены слышались удивительно быстро.

Позже Мира много раз думала об этом. От первого запаха дыма до появления пожарной машины прошло не больше четырёх минут. Кто-то вызвал её раньше, чем они поняли, что начался пожар.

Первым из красной машины вышел мужчина в тёмной форме. Не пожарный — следователь. Высокий, худой, с лицом, которое Мира знала по школьным линейкам и случайным встречам у магазина.

Олег Белов. Отец Артёма.

Он посмотрел на горящее здание, потом на пятерых подростков.

— Кто ещё внутри?

Даня шагнул к нему.

— Соня Волкова. И Матвей.

На фамилии Волкова Олег едва заметно закрыл глаза.

— Откуда вы вошли?

— Служебная дверь.

— Покажите.

Даня побежал первым. Олег крикнул что-то пожарным и исчез за углом.

Мира осталась с Евой и Андреем. Костя стоял чуть дальше и смотрел на фасад через поднятый фотоаппарат.

— Ты что делаешь? — спросила Мира.

Он опустил камеру.

— Не знаю.

Через минуту крыша над аппаратной провалилась.

Утром нашли Матвея.

Соню не нашли.

На набережной, в двух кварталах от кинотеатра, обнаружили её белое платье, зацепившееся за металлическую лест-

ницу у воды. На перилах была кровь. Река в ту ночь шла быстро и несла к заливу всё, что в неё попадало.

Полиция решила, что Соня выбралась из здания, добралась до набережной и упала в воду. Тело искали две недели.

Пятерых друзей допрашивали по отдельности. Каждый рассказал почти правду.

Они пришли посмотреть фильм.

Свет погас.

Начался пожар.

Соня вернулась за плёнкой.

Никто не упомянул запись Виктора Волкова. Никто не сказал, что Соня боялась отца. Никто не признался, что Матвей открыл им здание.

Олег Белов сидел напротив Миры в маленьком кабинете, не включая верхний свет. На его рукаве оставалось чёрное пятно сажи.

— Соня говорила, зачем ей плёнка? — спросил он.

Мира вспомнила её слова: назад уже не получится.

— Нет.

Олег долго смотрел на неё.

— Ты уверена?

— Да.

Он записал ответ.

Когда Мира вышла из кабинета, в коридоре стоял Артём. Он приехал из летнего лагеря, куда родители отправили его на месяц. На нём была спортивная куртка, волосы прилипли

ко лбу от дождя. Он увидел её перевязанные ладони и шагнул навстречу.

— Почему ты мне не сказала?

Мира не спросила о чём. О кинотеатре. О фильме. О Со-не. О том, что друзья собрались без него. Все ответы были одинаковыми.

— Я думала, ничего не случится.

Артём посмотрел через стеклянную дверь на отца.

— Папа говорит, это короткое замыкание.

— Наверное.

— Он никогда не говорит «наверное».

Мира хотела взять Артёма за руку, но вспомнила, что её ладони забинтованы.

Тогда он сам обнял её.

За его плечом она увидела Олега Белова. Тот стоял в дверях кабинета и смотрел не на них, а на окно в конце коридора, где в сером утре догорал «Люмен».

Мире показалось, что он знает: короткое замыкание было только первой ложью.

Она не могла представить, сколько их будет потом.

ЧАСТЬ I ПЯТЬ КЛЮЧЕЙ

ГЛАВА 1. Пять ключей

Павла Громова хоронили в день, когда город впервые за лето прогрелся до двадцати восьми градусов.

Ладожск не умел обращаться с жарой. Асфальт становился мягким, трамваи скрипели громче, люди двигались медленно и обиженно, словно погода нарушила негласный договор. На кладбище пахло нагретой хвоей, воском и цветами, которые начали увядать ещё до того, как гроб опустили в землю.

Мира стояла в тени старой сосны и наблюдала, как пять человек бросают горсти земли.

Льва Громова она узнала сразу, хотя видела только на фотографиях. Официальный сын Павла, композитор, живший то в Москве, то в Берлине, был похож на отца линией рта и тем, как держал плечи — будто постоянно защищался от вопроса, который ему ещё не задали.

Ева Карева стояла чуть в стороне. Короткие тёмные волосы, чёрные очки, руки в карманах лёгкого пальто, совершенно не подходящего к жаре. Она не смотрела на могилу. Смотрела на людей вокруг и едва заметно морщилась каждый раз, когда ветер звенел металлическими венками.

Костя Рудаков держал камеру, но не фотографировал. За восемнадцать лет он стал известным портретистом, снимал актёров, политиков и людей, которые платили за возможность выглядеть на один вечер честнее, чем были. Сейчас объектив был закрыт крышкой.

Андрей Соколов приехал последним. Снял солнцезащитные очки перед самым гробом и вдруг оказался старше, чем его голос в ночном эфире. Мира иногда слушала программу «После двенадцати», не признаваясь даже себе. Андрей задавал незнакомым людям вопросы, которые никогда не задавал друзьям.

Даниила не было.

Это никого не удивило.

После пожара Даня уехал первым. Через год поступил во ВГИК, потом снимал документальные фильмы в местах, где люди исчезали по причинам, более понятным, чем Соня. Он приезжал в Ладожск редко и каждый раз проводил несколько дней у реки. В интервью говорил, что родной город научил его: камера не спасает, но не позволяет лжи стать единственной версией.

Мира считала эту фразу красивой и нечестной.

После похорон к ней подошёл мужчина в сером костюме. Лет шестидесяти, с загорелым лицом и папкой под мышкой.

— Мирослава Андреевна Зорина?

— Да.

— Нотариус Кречетов. Павел Леонидович оставил распо-

ряжение. Прошу вас сегодня в четыре часа прибыть в мой офис.

— По поводу кинотеатра?

Вопрос вырвался слишком быстро.

Кречетов чуть приподнял брови.

— По поводу наследства.

— Я не родственница.

— Мне это известно.

Он протянул визитку и отошёл к Еве.

Мира посмотрела на свежую землю. Павел лежал под ней так же упрямо, как жил. Он не разговаривал с ней последние шесть лет. После очередной попытки добиться для «Люмена» охранного статуса они поссорились: Мира требовала открыть архивы, Павел отказался. Она сказала, что он любит здание больше людей. Он ответил, что именно поэтому здание до сих пор стоит.

На похороны она пришла не проститься. Проверить, не появится ли Виктор Волков.

Он появился, когда большинство людей уже расходились.

Чёрный автомобиль остановился у ворот. Сначала вышел водитель, потом высокий седой мужчина без пиджака. Волкову было немного за шестьдесят, но возраст только сделал его лицо дороже: правильный загар, серебряные волосы, спокойствие человека, привыкшего, что другие нервничают вместо него.

Он не принёс цветов.

Подошёл к могиле, постоял несколько секунд и перекрестился. Затем повернулся и сразу нашёл Миру взглядом.

— Соболезную, — сказал он.

— Мне?

— Всем, кому Павел успел усложнить жизнь.

Мира не ответила.

Волков посмотрел на неё с почти отеческой печалью.

— Вы всё ещё занимаетесь памятниками?

— Людьми тоже.

— Люди дешевле обходятся городу.

— Не всем.

Он улыбнулся.

— В четыре часа у Кречетова?

Теперь Мира поняла: он знает о завещании.

— Вас тоже пригласили?

— Нет. Но участок интересует меня много лет. Было бы странно не знать, что с ним происходит.

— Вы пришли на похороны из-за участка?

— Я пришёл посмотреть, кто считает себя наследником.

Он кивнул ей и направился к машине.

Мира смотрела ему вслед. Восемнадцать лет назад она боялась произнести его имя в полицейском кабинете. Сейчас страха не было. Осталось другое, более взрослое чувство: понимание того, сколько дверей может закрыть один человек, если у него достаточно денег и времени.

В офисе нотариуса было слишком холодно. Кондиционер

работал с усердием, которого не хватало городским службам зимой. Мира пришла за десять минут до назначенного времени и увидела остальных в приёмной.

Даня всё-таки приехал.

Он стоял у окна, высокий, худой, в мятой белой рубашке. Волосы стали короче, вокруг глаз появились тонкие линии. Он разговаривал по телефону по-английски, но, увидев Миру, закончил фразу и убрал аппарат.

— Привет.

— Привет.

Они обнялись неловко, не понимая, сколько лет должно длиться объятие.

— Когда прилетел?

— Ночью.

— На похоронах тебя не было.

— Был.

Мира посмотрела на него.

— Где?

— За оградой.

— Почему?

Даня пожал плечами.

— Не хотел, чтобы Павел в последний раз собрал нас раньше, чем я пойму зачем.

— Ты думаешь, он спланировал собственные похороны?

— Он спланировал всё остальное.

Ева сидела на диване, закрыв глаза. Андрей ходил вдоль

стены и рассматривал дипломы Кречетова. Костя перебирал фотографии на экране камеры.

Они поздоровались как бывшие одноклассники на случайной встрече: вежливо, осторожно, с одинаковой мыслью о том, что когда-то знали друг о друге всё.

— Кто-нибудь понимал, зачем мы здесь? — спросил Андрей.

— Павел оставил наследство, — сказала Мира.

— Деньги?

Лев Громов, стоявший у двери кабинета, посмотрел на него.

— Если вы рассчитываете на деньги, должен разочаровать. Отец последние годы вкладывал всё в руины.

— Мы тоже не в восторге, — ответил Андрей.

— Странно. Вы же их получили.

Ева открыла глаза.

— Ещё ничего не получили.

— Уже получили. Его внимание. При жизни мне доставалось меньше.

Кречетов пригласил их в кабинет.

За большим столом было семь стульев. Шесть заняли Мира, Ева, Костя, Андрей, Даня и Лев. Седьмой остался пустым.

Нотариус положил перед собой конверт, перевязанный синей лентой.

— Павел Леонидович Громов составил завещание два-

дцать третьего апреля две тысячи двадцать шестого года. Документ содержит ряд условий и приложений. Прежде чем начать, я обязан уточнить: всё оглашаемое является конфиденциальным до момента принятия наследства.

— Начинайте, — сказал Лев.

Кречетов снял ленту.

— Земельный участок, здание бывшего кинотеатра «Люмен», находящееся в нём оборудование, архив и связанные имущественные права завещатель передаёт в равных долях следующим лицам.

Он назвал Миру.

Потом Еву.

Костю.

Андрея.

Даниила.

После короткой паузы произнёс:

— Софью Викторовну Волкову.

В комнате стало слышно кондиционер.

Лев медленно повернулся к нотариусу.

— Повторите.

Кречетов повторил все шесть имён.

— А мне? — спросил Лев.

— Вам Павел Леонидович завещал квартиру, денежные средства на счетах и авторские права на принадлежащую ему коллекцию музыкальных записей.

— То есть мне — квартира. Им — кинотеатр.

— Именно.

— И мёртвой девушке.

Даня поднялся так резко, что стул ударился о стену.

— Не называй её так.

Лев посмотрел на него без испуга.

— Как назвать человека, который юридически признан умершим?

— Соней.

— Хорошо. Отец оставил кинотеатр Соне.

Кречетов положил ладонь на конверт.

— Павел Леонидович отдельно указал: доля Софьи Волковой не может быть перераспределена до завершения розыска наследника или истечения установленного законом срока. Кроме того, принятие наследства связано с условием.

— Конечно, — сказал Андрей. — Без условия было бы слишком похоже на нормальную жизнь.

Нотариус прочитал:

— «Кинотеатр должен быть восстановлен в объёме, позволяющем провести публичный кинопоказ, не позднее тридцать первого декабря две тысячи двадцать седьмого года. Решения о продаже, сносе, залоге или изменении назначения здания принимаются только единогласно всеми наследниками. До выполнения условия никто из наследников не вправе отчуждать свою долю».

— Соня не может проголосовать, — сказала Ева.

— Поэтому продать здание невозможно, — ответил Кре-

четов.

Лев коротко засмеялся.

— Он нашёл способ не отпускать его даже после смерти.

Кречетов достал из конверта чёрную коробку. Внутри лежали шесть латунных ключей с круглыми бирками. На пяти были выгравированы имена.

МИРА.

ЕВА.

КОСТЯ.

АНДРЕЙ.

ДАНЯ.

Шестое углубление пустовало.

Рядом лежали пять маленьких металлических банок для киноплёнки, обгоревших по краям.

И записка.

Кречетов развернул её.

— «Вы солгали в ту ночь, потому что были детьми. Я молчал восемнадцать лет, хотя ребёнком не был. Теперь у каждого из вас есть часть фильма. Соберите его до того, как здание исчезнет. Шестой ключ у той, кого вы похоронили слишком рано».

Мира почувствовала, как холод кондиционера проходит сквозь платье.

Даня смотрел на пустое место в коробке.

— Он знал, — произнёс он.

— Что? — спросил Лев.

Даня поднял глаза.

— Что Соня жива.

Никто не успел ответить.

В приёмной хлопнула дверь. Через секунду секретарь вошла в кабинет и сказала Кречетову:

— Простите. Там представитель компании «Волков Девелопмент». Он просит передать документы новым собственникам.

На стол легли шесть одинаковых папок.

В каждой было предложение о покупке доли.

Сумма оказалась такой, что Андрей перестал шутить.

ГЛАВА 2. Аварийный выход

Артём Белов не любил здания, которые просили о жалости.

Хорошее здание сообщало о себе честно. Трещина показывала направление нагрузки. Просадка пола указывала на воду под фундаментом. Коррозия не притворялась историей, а дерево не называло гниль памятью. Люди могли спорить о красоте, значении и праве города на прошлое. Бетон в это время продолжал разрушаться с точностью, не зависевшей от чужих чувств.

«Люмен» лгал.

С улицы он выглядел усталым, но стойким. Светлый фасад потемнел от дождей, буквы вывески сохранили три из пяти неоновых трубок, над входом шла тонкая горизонтальная трещина. Обычный заброшенный кинотеатр, который при достаточном количестве денег можно было вернуть к жизни.

Внутри всё было хуже.

Артём стоял под балконом и смотрел на лазерный уровень. Красная линия уходила вверх на четыре сантиметра от одного края стены к другому.

— Невозможно, — сказал техник.

— Повтори замер.

— Уже третий.

— Тогда измерь опоры.

Техник вздохнул и пошёл к лестнице.

Артём поднял голову. Над ним тянулась стальная ферма, спрятанная декоративным потолком. В восьмидесятые её усиливали, после пожара латали, десять лет назад осматривали без вскрытия отделки. На бумаге всё выглядело допустимо. На деле один узел сместился, и нагрузка шла не туда, куда её рисовали проектировщики.

Он сделал фотографию, поставил метку в планшете и услышал, как в фойе кто-то спорит с охранником.

Женский голос.

Артём узнал его прежде, чем различил слова.

— Я собственник здания.

— У меня распоряжение никого не пускать.

— От кого?

— От инженера.

— Позовите инженера.

Артём не двигался.

Восемь лет он представлял эту встречу в самых разных местах. В аэропорту, где она должна была однажды понять, что опоздала. В чужом городе, где он шёл бы рядом с другой женщиной и не остановился. На случайной конференции, где они вежливо обменялись бы визитками и оба убедились, что ничего не осталось.

Он не представлял её в заброшенном кинотеатре, спорящей с охранником из-за его распоряжения.

Мира вошла в зал, не дожидаясь разрешения.

На ней были джинсы, белая рубашка с закатанными рукавами и строительная каска, которую она держала в руке. Волосы собраны в низкий хвост. В тридцать пять она стала похожа не на ту девушку, с которой Артём собирался уехать, а на женщину, которой эта девушка хотела казаться: спокойную, прямую, умеющую входить туда, где ей закрыли дверь.

— Здравствуй, — сказала она.

— Надень каску.

Мира посмотрела на каску, потом на него.

— Тоже здравствуй.

— Здесь аварийная зона.

— Вчера не была.

— Вчера я её не обследовал.

Она надела каску. Жест получился вызывающе послушным.

— Компания не могла прислать другого специалиста?

— Могла.

— Тогда почему ты?

— Потому что я руковожу отделом обследований.

— В Ладожске?

— По Северо-Западу.

— Поздравляю.

— Спасибо.

Техник вернулся с измерителем, увидел Миру и замедлил шаг.

— Алексей, продолжай, — сказал Артём.

— Может, я позже?

— Сейчас.

Мира отошла к краю прохода. Артём видел, что она пытается смотреть не на него, а на зал. Получалось плохо. Её взгляд возвращался — к его рукам, коротко стриженным волосам, шраму у виска, которого раньше не было.

Он тоже замечал детали. Тонкая серебряная цепочка на шее. След чернил на большом пальце. Маленькая складка между бровями, появлявшаяся, когда она хотела задать личный вопрос и запрещала себе.

— Насколько всё плохо? — спросила она.

— Я ещё работаю.

— Предварительно.

— Предварительно нельзя находиться в партере, на балконе и в помещениях под восточной фермой.

— То есть почти нигде.

— В фойе можно.

— Как щедро.

Артём повернулся к ней.

— Мира, если ты собираешься воспринимать каждое ограничение как личное оскорбление, выйди сейчас.

— Если ты собираешься использовать каждую трещину как аргумент за снос, выйди ты.

— Я не принимаю решение о сносе.

— Ты пишешь заключение, на котором его примут.

— Я пишу, упадёт ли людям на голову потолок.

— Он простоял восемнадцать лет.

— Именно такие фразы обычно произносят за день до обрушения.

Мира прижала губы. В прошлом она замолчала бы только для того, чтобы придумать более точный удар. Сейчас сделала вдох и спросила:

— Что тебе нужно?

— Полный доступ к проектной документации, результаты обследования после пожара, акты ремонта, журналы эксплуатации.

— Половины этого нет.

— Тогда вскрытия, лаборатория и время.

— Сколько?

— Две недели на предварительное заключение. Месяц на полное.

— У нас нет месяца.

— У здания он тоже, возможно, закончился.

Мира прошла к первому ряду. Артём хотел остановить её, но она оставалась за границей отмеченной зоны.

— Павел оставил его нам вчера, — сказала она. — Сегодня Волков подал заявление о признании здания аварийным. Через неделю комиссия. Ты правда думаешь, это совпадение?

— Нет.

Она обернулась, удивлённая быстрым ответом.

— Тогда ты понимаешь, зачем тебя наняли.

— Меня нанял муниципалитет.

— Техническое задание подготовила компания, которая два года консультирует Волкова.

Артём знал. Увидел это утром и уже отправил запрос в юридический отдел. Но говорить Мире не собирался, пока не проверит факты.

— Кто дал тебе документы? — спросил он.

— Я умею читать реестр закупок.

— Ты умеешь находить подтверждение версии, которая тебе нравится.

— А ты умеешь называть предосторожностью то, что удобно заказчику.

— Поэтому мы и расстались.

Слова прозвучали прежде, чем он решил их произнести.

Мира застыла.

В пустом зале было слышно, как Алексей наверху переставляет штатив.

— Мы расстались не поэтому, — сказала она.

— Нет?

— Ты уехал.

— Я предложил тебе уехать со мной.

— Через четыре дня после того, как Павел получил уведомление о сносе.

— Через шесть лет после пожара.

— Это что-то меняет?

— Да. Я шесть лет ждал, когда ты перестанешь жить той ночью.

Мира сняла каску. На лбу осталась красная полоска.

— А я ждала, когда ты перестанешь считать любую приязанность неисправностью, которую нужно устранить.

Она направилась к выходу.

Артём должен был позволить ей уйти. В конце концов, в этом они оба были профессионалами.

— Стой.

Мира остановилась, но не повернулась.

— Я не подпишу заключение, которое от меня хотят, — сказал он. — Ни за снос, ни за сохранение. Напишу то, что есть.

— Этого может хватить, чтобы всё уничтожить.

— Может.

— И тебя это устраивает?

— Меня устраивает, что люди останутся живы.

Она посмотрела через плечо.

— Ты всё ещё думаешь, что это разные задачи.

Мира вышла.

Через несколько секунд Алексей позвал сверху:

— Артём Сергеевич, вы должны это увидеть.

В восточном узле фермы, под слоем старой краски, шёл разрыв. Не поверхностная трещина. Металл разошёлся по сварному шву, и один край уже выгнулся наружу.

Артём поднялся на площадку, осветил фонарём и почув-

ствовал знакомую холодную ясность. Всё личное исчезло. Остались нагрузки, расстояния и время.

— Закрываем здание полностью, — сказал он.

— Даже фойе?

— Полностью. Вызывай ограждение. И уведомление собственников.

Он посмотрел вниз, на дверь, через которую ушла Мира.

На телефоне уже был её номер. Не сохранённый — он удалил контакт много лет назад, но память не нуждалась в имени.

Артём набрал сообщение:

«В здании критическое повреждение несущей фермы. До установки временных опор вход запрещён».

Ответ пришёл через минуту.

«Когда можно поставить опоры?»

Не «ты уверен».

Не «Волков заплатил».

Когда.

Артём написал:

«Если найдём оборудование — ночью».

Мира ответила одним словом:

«Найдём».

ГЛАВА 3. Восемнадцать месяцев

Сумма в папке была больше стоимости Мириной квартиры, материнской дачи и всех гонораров, которые она могла получить до пенсии, если бы внезапно научилась брать деньги с людей, пытавшихся снести старые здания.

Волков предлагал каждому по сто двадцать миллионов рублей.

Даже Даня, привыкший обсуждать бюджеты фильмов в нескольких валютах, перечитал цифры дважды. Андрей провёл пальцем по строке, будто проверял, не напечатан ли лишний ноль. Костя закрыл папку. Ева вообще не открывала свою — сидела, глядя на латунный ключ, лежавший перед ней.

Лев Громов первым нарушил тишину.

— Поздравляю. Отец всё-таки оставил вам деньги. Просто попросил забрать их у Волкова.

— Единогласно, — напомнил Кречетов. — Для продажи требуется согласие всех наследников, включая Софью Волкову. Пока её статус не определён, сделка невозможна.

— Тогда зачем предложение? — спросил Андрей.

— Давление, — ответила Мира.

— Или аванс за разумное поведение, — сказал Лев.

Даня повернулся к нему.

— Ты считаешь разумным продать место, где погиб чело-

век?

— Я считаю разумным не превращать место гибели в религию.

— Твой отец превратил.

— Мой отец восемнадцать лет тратил деньги на пустой зал и разговаривал с теми, кто не приходил на его похороны.

Даня отодвинул стул.

— Он разговаривал с тобой?

Лев замолчал.

Вопрос попал точнее, чем рассчитывал Даня. На секунду в лице Льва исчезло высокомерие, осталось что-то усталое и детское. Затем он снова собрался.

— Это не имеет отношения к завещанию.

— Имеет, — сказала Ева. — Нас он тоже не видел годами. Значит, ему было нужно не наше присутствие. Ему было нужно, чтобы мы сделали что-то после его смерти.

— Нашли Соню, — произнёс Костя.

Он говорил редко, и поэтому остальные повернулись к нему одновременно.

— Записка про шестой ключ, — продолжил он. — Павел не написал «если она жива». Он написал «у той».

— Павел мог быть болен, — сказал Лев.

— Был, — ответил нотариус. — Рак поджелудочной железы. Но дееспособность подтверждена врачом в день составления завещания.

Мира взяла одну из плёночных банок. На крышке была

почти стёртая бумажная этикетка. Чёрной ручкой — цифра «1». Край металла обгорел, но замок открывался.

— Не здесь, — сказал Даня.

Она посмотрела на него.

— Почему?

— Если плёнка нитратная или повреждена температурой, её нельзя разматывать руками. Она может рассыпаться. Нужна лаборатория.

— Ты сможешь восстановить?

— Не знаю.

— Но попробуешь.

Он не ответил. Поставил банку ближе к себе, будто уже принял обязанность, от которой собирался отказаться.

Кречетов разложил перед ними документы.

— У вас есть шесть месяцев для принятия наследства. Однако до решения вопроса необходимо обеспечить сохранность объекта. Муниципалитет уже направил уведомление о внеплановом обследовании.

Телефон Миры завибрировал. Сообщение от Артёма: критическое повреждение фермы, вход запрещён.

Она прочитала ещё раз.

— Обследование уже началось, — сказала она. — Здание закрывают полностью.

— Кто? — спросил Даня.

— Инженер муниципального подрядчика.

— И что, за один день нашёл причину снести?

— Нашёл разрыв несущей фермы.

— Ты видела?

— Нет.

— Тогда пока это слова.

Мира подняла глаза.

— Даня, не начинай.

— Что не начинать? Верить людям, которых наняли Волковы?

— Инженер — Артём.

Имя прозвучало в комнате почти так же неуместно, как имя Сони. Ева медленно сняла очки. Андрей перестал листать предложение. Даже Костя чуть наклонил голову.

— Белов? — спросил Даня.

— Да.

— Сын Олега Белова?

— Да.

— Он вернулся?

— Он не возвращался. Работает по региону.

— И случайно получил именно «Люмен».

— Возможно, не случайно.

— Ты ему доверяешь?

Мира хотела ответить сразу. В прежние годы она доверяла Артёму в вещах, которые не могла объяснить: оставляла ему ключи от квартиры, позволяла читать черновики писем, спала рядом, не просыпаясь от каждого звука. Но доверие оказалось не общей валютой. Оно действовало в одной стра-

не, а потом границу закрыли.

— Как инженеру — да, — сказала она.

Андрей усмехнулся без веселья.

— Отличная формулировка. Её надо использовать в отношениях: «Как человек ты меня предал, но как стоматолог безупречен».

— Мы обсуждаем здание.

— Мы никогда не обсуждаем только здание, — сказала Ева.

Лев поднялся.

— Я не наследник кинотеатра. Значит, моё присутствие больше не требуется.

Кречетов протянул ему отдельный конверт.

— Павел Леонидович просил передать это лично после оглашения.

Лев посмотрел на почерк на конверте. Не взял.

— Что там?

— Мне неизвестно.

— Откройте.

— Он адресован вам.

Лев всё-таки принял письмо, сунул во внутренний карман пиджака и вышел, не попрощавшись.

Оставшиеся сидели вокруг стола, как после его ухода стало видно — не шестеро взрослых, а пятеро подростков, которых снова попросили договориться о том, что случилось в «Люмене».

— Я не возьму деньги Волкова, — сказал Даня.

— Сейчас мы не можем их взять, даже если захотим, — напомнил Андрей.

— Я говорю не о сейчас.

— Ты один из нас можешь позволить себе принципиальность в любой валюте.

— И что это значит?

— Что у тебя дом в Москве, контракты, фестивали. У Евы ипотека, у меня станция сокращает штат, Костя снимает рекламу, чтобы оплачивать свои выставки. Сто двадцать миллионов — это не просто «деньги Волкова». Это возможность никогда больше не объяснять начальнику, почему ты не готов работать за идею.

— И поэтому мы продадим?

— Я не сказал.

— Ты подумал.

— Мы все подумали, — тихо сказала Ева.

Она наконец открыла папку. Посмотрела на сумму и закрыла.

— Кто не подумал, тот врёт.

Мира тоже подумала. Не о себе. О матери, которая третий год откладывала операцию на колене, потому что хорошая клиника стоила слишком дорого. О своём бюро, жившем от гранта до гранта. О делах, которые она могла бы вести бесплатно. О возможности купить время — единственную вещь, которую всегда отнимали старые здания.

Сто двадцать миллионов превращали моральный выбор в физическое ощущение. В комнате словно появился ещё один выход, широкий, освещённый, без дыма. Нужно было только перестать смотреть назад.

— Павел знал, что Волков предложит, — сказала она. — Поэтому вписал Соню.

— Или поэтому придумал, что она жива, — возразил Андрей.

— Он не мог вписать вымышленного наследника без документов, — заметил Костя.

Кречетов кивнул.

— Софья Волкова была признана безвестно отсутствующей, затем умершей. Завещать ей имущество закон не запрещает. В случае подтверждения смерти её доля перейдёт наследникам по закону, но Павел Леонидович предусмотрел отдельное распоряжение: при окончательном установлении смерти Софьи её доля передаётся не вам, а благотворительному фонду сохранения городских кинотеатров. Единогласие всё равно потребуется.

Андрей откинулся на спинку стула.

— То есть он действительно запер нас внутри.

— Нет, — сказала Мира. — Оставил аварийный выход.

Она положила ладонь на папку Волкова.

— Найти Соню.

Даня посмотрел на неё так, словно эти два слова были не предложением, а вызовом, который он ждал восемнадцать

лет.

— Я искал.

— Один.

— Потому что вы перестали.

— Мы не перестали. Мы просто искали не там.

— Где?

Мира коснулась записки Павла.

— В прошлом. А нужно искать в том, что он сделал перед смертью.

Ева посмотрела на ключ.

— Сначала надо попасть в кинотеатр.

— Артём сказал, можно поставить временные опоры ночью.

— Ты уже договорилась?

— Я сказала, что найдём оборудование.

Андрей рассмеялся.

— Оборудование, деньги, разрешение, рабочих. Великолепный план.

— У тебя есть лучший?

— Принять сто двадцать миллионов и никогда больше не нюхать гарь, которой нет.

Мира увидела, как он сжал пальцы под столом. Андрей шутил не потому, что ему было легко. Наоборот. В детстве он первым заполнял тишину, когда боялся услышать правду.

— Сегодня в одиннадцать у кинотеатра, — сказала она. — Никто не обязан приходить. Но если мы даже не посмотрим,

что оставил Павел, решение уже примет Волков.

Костя первым взял свой ключ.

Потом Ева.

Даня собрал плёночные банки.

Андрей оставался на месте дольше всех. Наконец поднялся и сунул ключ в карман.

— Я приду только затем, чтобы потом иметь право сказать, что предупреждал.

— Ты всегда так приходишь, — сказала Ева.

На улице жара не отступила. Мира остановилась на ступенях и увидела через дорогу чёрный автомобиль Волкова. Стёкла были тонированы, двигатель работал.

Телефон снова завибрировал.

Артём написал адрес базы, где можно взять телескопические стойки, и номер мастера смены.

Следом пришло второе сообщение:

«Я буду в 22:30. Не входи без меня».

Мира набрала:

«Это распоряжение инженера или личная просьба?»

Ответ появился не сразу.

«Инженера».

Она улыбнулась — впервые за весь день, хотя в этом не было ничего смешного.

Некоторые люди лгали хуже, чем здания.

ГЛАВА 4. Трещина

В десять сорок пять вечера перед «Люменом» стояли две грузовые машины, подъёмник, старый микроавтобус Костинской студии и фургон радиостанции, который Андрей, по его словам, одолжил законно, если не считать отсутствие письменного разрешения.

Артём вышел из такси и остановился у ограждения.

— Что это?

Мира, разговаривавшая с мастером в светоотражающем жилете, повернулась.

— Оборудование.

— Я вижу. Откуда?

— Стойки предоставила строительная компания, которой мы помогли согласовать реставрацию особняка. Подъёмник — театр кукол. Генератор — у Андрея.

— Генератор принадлежит радиостанции, — уточнил Андрей. — Я всего лишь временно изменил его культурное назначение.

Артём посмотрел на рабочих. Шесть человек. Двое знакомых с базы, остальные, судя по движениям, действительно понимали, как обращаться с тяжёлыми опорами.

— Я сказал, что нужны люди с допусками.

Мира протянула папку.

— Допуски, страховка, ведомость оборудования. Я умею

читать не только реестр закупок.

Он взял документы. Всё оказалось в порядке.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь вы остаётесь снаружи.

— Нет.

— Да.

— Я собственник.

— А я ответственный за работы.

— Мне нужно видеть состояние помещений.

— Увидишь после установки опор.

— Артём.

— Мира.

Они стояли по разные стороны временного металлического забора. Между ними было меньше метра и восемь лет, за которые ни один не научился уступать первым.

Костя поднял камеру.

— Только попробуй, — сказал Артём.

— Я фотографирую фасад.

— Объектив направлен на нас.

— У меня широкий угол.

Ева тихо фыркнула. Напряжение на секунду стало обычным, почти школьным. Мира воспользовалась паузой, открыла калитку и вошла.

Артём поймал её за локоть.

— Ты не пойдёшь под ферму.

— Я поняла.

— Повтори.

— Я не ребёнок.

— В прошлый раз, когда ты это сказала возле аварийного здания, потом тебя вытаскивали через сцену.

Она перестала сопротивляться.

В свете уличного фонаря её лицо изменилось. Не смягчилось — стало пустым, как экран до начала фильма.

— Не используй ту ночь, чтобы выиграть спор.

Артём отпустил её.

— Тогда не заставляй меня вспоминать её на работе.

Они вошли в фойе вместе с рабочими. Генератор запустили снаружи, протянули кабели. Внутри загорелись переносные лампы, и «Люмен» впервые за много лет осветили не лучи фонариков, а ровный белый свет.

Он оказался беспощадным.

На стенах проступили потёки. Мозаика над гардеробом потеряла несколько фрагментов. Под ногами лежала стеклянная крошка, пыль, мёртвые насекомые. В углу сохранился картонный стенд фильма, вышедшего в прокат летом две тысячи восьмого. На нём улыбающиеся люди бежали по пляжу к синему морю, которое никогда не существовало в Ладожске.

Ева остановилась у стенда.

— Он был здесь тогда?

— Да, — ответил Даня. — Ты ещё сказала, что женщина похожа на нашу математичку.

— Не помню.

— Я помню.

— Ты всё помнишь.

— Нет. Только бесполезное.

Артём раздал каски и объяснил маршрут. В зал входили по двое. Рабочие должны были установить опоры под балконом, затем подойти к восточному узлу. Любое изменение звука, осыпание штукатурки, движение конструкции — немедленный выход.

— Как можно услышать движение конструкции? — спросил Андрей.

— Иногда очень хорошо, — сказала Ева.

Она сняла очки. Артём заметил маленькие беруши телесного цвета в её ушах.

— Тебе лучше остаться в фойе, — сказал он.

— Почему?

— Работы будут шумными.

Ева посмотрела на Миру.

— Ты рассказала?

— Нет.

— Тогда откуда он знает?

— Я не знаю, что именно, — ответил Артём. — Вижу защиту слуха. Если есть медицинские ограничения, я должен их учитывать.

— У меня нет ограничений. Есть мнение о лишних звуках.

— Сегодня их будет много.

Ева вынула из кармана большие наушники и надела.

— Теперь меньше.

Работа началась в половине двенадцатого. Артём поднялся на площадку подъёмника, Мира осталась внизу, отмечая на плане расположение опор. Он видел её сверху: белая каска, тёмный хвост, карандаш за ухом. Когда-то она так же стояла среди коробок в их первой общей квартире и рисовала на листе, куда поставить мебель. Артём тогда смеялся, что диван не обязан проходить общественные слушания.

Они прожили вместе семь месяцев.

Достаточно, чтобы у каждого появилась своя сторона кровати. Недостаточно, чтобы научиться не использовать уход как аргумент.

— Стойка номер четыре готова, — крикнул мастер.

Артём проверил положение. Металл фермы тихо потрескивал, остывая после жаркого дня. Каждый звук заставлял людей замирать.

К двум ночи установили пять опор. Оставалась шестая — под самым повреждённым узлом. Чтобы поставить её, нужно было убрать часть старой декоративной обшивки.

Артём спустился.

— Перерыв десять минут.

Рабочие вышли в фойе. Андрей принёс воду и кофе в бумажных стаканах. Даня сидел на краю сцены, глядя на аппаратную. Костя фотографировал детали: номера кресел, об-

горевшую решётку, трещины.

Мира протянула Артёму бутылку.

— Спасибо.

— Не слишком профессионально звучит.

— Могу оформить акт благодарности.

Он отпил воду.

— Где ты нашла людей ночью?

— Позвонила тем, кому когда-то помогла.

— Всем сразу?

— Сначала тем, кто мне ещё не должен. Не помогло.

— Ты не изменилась.

— Это обвинение?

— Наблюдение.

— Ты тоже.

— Я сильно изменился.

Мира посмотрела на шрам у его виска.

— Откуда?

Артём коснулся его автоматически.

— Обследование склада в Сортавале. Обрушилась перегородка.

— Ты был внутри?

— Обычно здания обследуют изнутри.

— Не начинай.

— Что?

— Делать вид, что риск — обычная часть работы, а значит о нём нельзя спрашивать.

— Ты спрашиваешь как собственник?

— Как человек.

— Какой именно?

Мира отвела взгляд.

Вопрос оказался слишком прямым для двух часов ночи, старого кинотеатра и людей, которые привыкли говорить друг с другом через задачи.

— Тот, который знал тебя до шрама.

Артём хотел ответить, но со стороны сцены раздался металлический удар.

Все вскочили.

Часть декоративной панели оторвалась и упала на пол. Никого рядом не было. За ней открылась узкая полость в стене.

— Не подходить! — крикнул Артём.

Он проверил датчики, поднялся к месту. Панель держалась на ржавых креплениях и, вероятно, сорвалась от вибрации. За ней виднелись трубы старой вентиляции и кирпичная кладка.

На кирпичках была нарисована белая птица.

Простой детский рисунок мелом: тело из овала, два длинных крыла, точка вместо глаза.

Мира подошла ближе, остановившись у обозначенной линии.

— Это Соня рисовала.

Даня поднялся со сцены.

— Откуда ты знаешь?

— Она оставляла таких птиц везде. На тетрадах, на стене в школе, на моих конспектах.

— Там что-то есть, — сказал Костя.

В нижнем ряду кирпичей один выступал на несколько сантиметров.

Артём осветил фонарём. Раствор вокруг был другого цвета — кладку вскрывали после пожара. Он осторожно простучал кирпич.

За ним была пустота.

— Сначала опора, — сказал он.

Мира не спорила. Но следующие сорок минут почти не смотрела на план. Смотрела на белую птицу, проявившуюся под слоем разрушенной обшивки, словно всё это время Соня ждала, когда здание треснет в нужном месте.

Шестую стойку поставили в три сорок.

Артём проверил нагрузку, показания датчиков и только после этого разрешил снять кирпич. За ним оказалась металлическая коробка размером с книгу, завернутая в истлевшую ткань.

Даня принял её обеими руками.

На крышке сохранились буквы, выведенные синим маркером:

«НЕ СМОТРЕТЬ БЕЗ МЕНЯ».

Под ними — Сониная белая птица.

— Павел знал, что она здесь, — сказала Мира.

— Или не знал, — ответил Даня. — Если бы знал, забрал бы.

— Тогда кто замуровал?

Артём посветил на раствор.

— Эту стену ремонтировали после пожара. Нужно под-
нять акты работ.

Костя сделал фотографию надписи.

— Откроем?

— В лаборатории, — сразу сказал Даня.

Андрей посмотрел на часы.

— Почти четыре утра. Мы укрепили крышу, нашли тай-
ник и пока не умерли. Для первого рабочего дня результат
чрезмерный.

Мира улыбнулась. Затем увидела, что Артём смотрит на
неё.

— Что?

— Ничего.

— Ты никогда не смотришь «ничего».

— Ты тоже.

Утро начинало сереть в высоких окнах. Переносные лам-
пы уже не казались единственным светом. Рабочие собирали
инструмент. Ева стояла возле тайника, Даня держал короб-
ку, Костя снимал пустой зал, Андрей записывал голосовое
сообщение своему продюсеру, пытаясь объяснить исчезно-
вание фургона.

На несколько минут они выглядели не как наследники чу-

жой вины, а как команда.

Артём подошёл к Мире.

— Временные опоры дают нам несколько дней. Не больше. До полного расчёта зал закрыт.

— Нам?

Он понял, что сказал.

— Собственникам.

— Конечно.

Мира сняла каску. Волосы растрепались, на щеке была серая полоса пыли. Артём протянул руку и большим пальцем стёр её раньше, чем успел решить, имеет ли право.

Они оба замерли.

Прикосновение длилось секунду. Возможно, меньше. Но тело запомнило его быстрее, чем разум успел назвать ошибкой.

Артём отступил.

— Я пришлю список необходимых документов.

— Хорошо.

— И не входи одна.

— Это снова распоряжение инженера?

Он посмотрел на неё.

— Нет.

Мира не улыбнулась. Только кивнула.

Это оказалось опаснее любой улыбки.

ГЛАВА 5. Пятый ряд

В коробке за экраном не было плёнки.

Даня открыл её на следующий день в лаборатории областного киноархива. Мира, Ева, Костя и Андрей стояли за стеклом, наблюдая, как он в перчатках разворачивает истлевшую ткань. Лаборантка снимала процесс на камеру. Все ждали металлическую катушку, кассету, фотографию — что-нибудь, способное объяснить Сонину надпись.

Внутри лежали пять конвертов.

На каждом — имя.

И шестой, пустой.

Даня вынес их в смотровую комнату и разложил на столе. Бумага пожелтела, углы потемнели от влаги. Почерк принадлежал Павлу Громову.

— Он всё-таки знал о тайнике, — сказала Мира.

— Или нашёл его после пожара и использовал, — ответил Даня.

— Зачем замуровывать письма?

— Чтобы мы пришли вместе.

Андрей взял свой конверт, посмотрел на свет.

— Ненавижу людей, которые режиссируют разговоры после смерти.

— Ты зарабатываешь тем же, — сказала Ева.

— Я оставляю собеседнику право положить трубку.

— Положи конверт.

Он не положил.

Письма оказались короткими. Павел не просил прощения и не объяснял завещание. Каждому оставил только место и время.

Мире: «Пятый ряд, место шесть. Посмотри под обивкой».

Еве: «В аппаратной есть звук, которого не было в фильме».

Косте: «Ты сфотографировал человека, но не узнал его».

Андрею: «Первый звонок поступил до пожара».

Дане: «Не вся плёнка сгорела. Ты держал её в руках через три дня».

В пустом конверте лежал клочок бумаги с одной фразой:

«Соня, если ты вернулась, значит, я опоздал только на восемнадцать лет».

Даня перечитал его и отвернулся к окну.

Мира не знала, что ранит сильнее: предположение, что Соня могла вернуться, или то, что Павел ждал её до смерти и никому не сказал.

— Пятый ряд, — произнёс Костя.

— В зале нельзя находиться, — сказала Мира.

— Вчера находились.

— Вчера ставили опоры под руководством инженера.

Андрей посмотрел на неё.

— Как быстро Белов вернул себе руководящую должность в твоей жизни.

— Он отвечает за безопасность.

— Я именно это и сказал.

Мира проигнорировала.

Они вернулись в «Люмен» вечером, получив от Артёма письменное разрешение находиться только в центральном проходе и первых шести рядах не дольше сорока минут. Он обещал приехать, но задерживался на другом объекте. Мира сказала себе, что это удобно.

В зале пахло металлом временных стоек и старой пылью. Пять переносных ламп стояли вдоль прохода. Свет не доходил до потолка, и балкон висел в темноте, как второй, скрытый зал.

Ряды считали от сцены.

На шестом месте пятого ряда сидела Соня в ночь пожара. Мира вспомнила это только теперь. До начала фильма они спорили, кто займёт середину. Соня сказала, что хочет видеть не экран, а лица остальных, когда они услышат запись.

Кресло сохранилось хуже соседних. Бархат выцвел, деревянный подлокотник треснул. Даня опустился на колени и провёл пальцами по нижнему краю сиденья.

— Обивку снимали.

— Когда? — спросила Ева.

— Не знаю. Скобы новые.

Костя посветил фонарём. Под тканью нащупали твёрдый прямоугольник. Даня поддел скобу инструментом, который принёс из архива, и осторожно отогнул край.

Внутри лежал маленький ключ.

Не латунный, как ключи наследников. Стальной, с крошечной биркой «А-17».

И фотография.

Шестеро подростков стояли на крыше «Люмена». Даня держал камеру на вытянутой руке, поэтому часть его лица обрезало. Ева закрывала глаза от солнца. Андрей показывал два пальца за Костиной головой. Мира смотрела на Соню, а Соня — вниз, во двор.

На обороте Павел написал:

«Вы помните, куда смотрели. Вспомните, на кого».

Костя взял снимок и долго изучал.

— Его делал не я.

— Даня, — сказала Мира.

— Камера моя, но кнопку мог нажать любой. Там таймер.

— Что во дворе?

Они поднялись на сцену и отодвинули край экрана. Через служебное окно виднелся узкий двор: кирпичная стена соседнего дома, мусорные контейнеры, металлическая лестница, ведущая на крышу пристройки.

— Там стояла машина, — сказал Костя.

— Какая?

— Не помню лицо человека, но машины помню лучше. Чёрный внедорожник. Я фотографировал отражение в окне. Ева посмотрела на него.

— Ты всегда говорил, что не видел никого во дворе.

— Не видел человека. Видел машину.

— Это разные вещи?

Костя сжал фотографию за край.

— Для меня — да.

В его голосе появилось предупреждение. Мира знала, что Костя не любит вопросы о памяти. Он мог описать комнату спустя десять лет, но иногда проходил мимо знакомых на улице. В школе это считали высокомерием. После пожара — странностью. Никто не спрашивал дальше.

— Ключ от чего? — сказал Андрей, возвращая разговор к столу.

— А-17 может быть ячейкой, — предположила Ева. — Архив, камера хранения.

— Или аппаратная, шкаф семнадцать, — сказал Даня.

Они поднялись по лестнице. Артём разрешил проход до аппаратной только по одному, вдоль стены. Мира пошла первой, проверяя, не изменились ли метки на трещинах. Всё было спокойно.

Дверь аппаратной заменили после пожара. Внутри сохранились два проектора, монтажный стол, шкафы с металлическими дверцами. На одном ряду были выцветшие буквы: А-11, А-12, А-13.

А-17 стоял в углу.

Ключ подошёл.

В шкафу лежал старый магнитофон, кассета в прозрачной коробке и журнал показов за июнь две тысячи восьмого года.

На кассете не было подписи. На последней странице журнала кто-то записал время:

22:47 — вход группы.

23:06 — запуск.

23:14 — отключение.

23:18 — пожарные на месте.

Официально вызов зарегистрировали в 23:17.

— Пожарные не могли приехать за минуту, — сказал Андрей.

— Павел написал тебе про первый звонок, — напомнила Мира.

— Он работал через городскую систему. Я могу поднять архив, если сохранился.

Даня держал кассету перед светом.

— Ева?

Она взяла коробку осторожно, почти нежно.

— Плесени нет. Лента выглядит целой. Но слушать на этом магнитофоне нельзя. Он может её зажевать.

— Ты сможешь перенести звук?

— Да.

— Когда?

— Не знаю.

— Ева.

Она резко повернулась.

— Я сказала, сделаю.

В тишине аппаратной послышался тонкий писк. Мира

сначала решила, что это старое оборудование. Потом увидела, как Ева прижимает пальцы к левому уху.

— Всё нормально? — спросила она.

— Да.

— Ты побледнела.

— Здесь слишком тихо.

Андрей хотел пошутить, но не стал.

Они спустились в зал. Сорок минут закончились. Нужно было уходить, но никто не двигался к выходу.

Пятеро сели в пятый ряд. Не на шестое место — оно оставалось пустым. Даня положил на него фотографию.

— Мы должны решить, что делаем, — сказала Мира.

— Уже решили ночью, — ответил Андрей. — Спасаем кинотеатр, раскрываем убийство, находим человека, который юридически мёртв. Обычный квартальный план.

— Нет. Решили прийти. Это не то же самое.

Ева сняла наушники. В пустом зале она казалась беззащитнее.

— Я не хочу снова давать показания, — сказала она. — Не хочу вспоминать, как следователь спрашивал, почему я оставила Соню. Не хочу слышать, что мы могли сделать иначе.

— Могли, — сказал Даня.

— Ты уверен, что хочешь именно правду? Или версию, в которой ты мог её спасти?

Он вздрогнул.

— Не надо.

— Почему? Ты восемнадцать лет снимаешь фильмы о пропавших. У каждого находишь последнюю минуту, последний маршрут, последний кадр. А если с Соней нет кадра, потому что она просто не захотела возвращаться?

— Она бы сказала.

— Кому? Тебе?

— Да.

Ева посмотрела на пустое кресло.

— Мы все думали, что именно нам она сказала бы первой.

Мира почувствовала, как разговор идёт к знакомому краю. В прошлом они доходили до него и расходились. Каждый уносил свою часть вины, потому что общая была слишком тяжёлой.

— Павел оставил факты, — сказала она. — Будем держаться фактов. Первое: кто-то вызвал пожарных до официального звонка. Второе: Соня могла выйти через служебную дверь. Третье: плёнка или её копия сохранилась. Четвёртое: Волков хочет купить здание до того, как мы всё это проверим.

— Пятое: здание может упасть, — добавил Костя.

— Да.

— И денег на ремонт нет.

— Найдём.

Андрей покачал головой.

— Твоё «найдем» когда-нибудь предъявят в суде как фи-

нансовое преступление.

— Можешь уйти.

— Могу. Но не уйду.

— Почему?

Он посмотрел на шестое место.

— Потому что в ту ночь я закрыл за собой дверь аппаратной.

Даня медленно повернул голову.

— Что?

— Матвей просил не пускать никого наверх, пока он запускает фильм. Я закрыл дверь на щеколду снаружи. Потом ушёл в зал. Когда свет погас, дверь была уже заперта изнутри, но я всё время думал: вдруг щеколду заклинило из-за меня.

— Ты никогда не говорил.

— Никто из нас много чего не говорил.

Ева опустила глаза.

Костя снял крышку объектива и снова надел.

Мира поняла: Павел оставил не только ключи. Он вернул их в комнату, из которой каждый вышел с собственной тайной.

— До конца недели, — сказала она. — Мы проверяем плёнку, кассету, журнал и состояние здания. Потом голосуем, принимаем наследство или отказываемся. Без обещаний на восемнадцать месяцев. Семь дней.

— А если за семь дней станет хуже? — спросила Ева.

— Тогда хотя бы будем знать, от чего отказываемся.

Даня положил ладонь на пустой подлокотник.

— Я принимаю сейчас.

— Не торопись.

— Я уже опоздал на восемнадцать лет.

Костя кивнул.

Ева после паузы сказала:

— Семь дней.

Андрей поднял руку, словно голосовал в школе.

— Семь дней моей и без того сомнительной карьеры.

Все посмотрели на Миру.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра начинаем.

В этот момент в зале включился свет.

Одна лампа под балконом — старая, жёлтая, отключённая от нового генератора. Она загорелась на две секунды и погасла.

Ева вскочила.

— Кто включил?

— Никто, — ответил Андрей.

Даня смотрел на аппаратную.

Снаружи хлопнула входная дверь.

Мира выбежала в фойе. За стеклом мелькнула тёмная фигура, прошла к воротам и исчезла за углом.

На полу возле кассы лежал свежий конверт.

Внутри была копия их общей фотографии с крыши.

На обороте чужим печатным почерком написано:

«НЕ ИЩИТЕ ТУ, КОТОРАЯ НЕ ХОЧЕТ БЫТЬ НАЙДЕ-
НА».

ГЛАВА 6. Человек у двери

Камера над входом в аптеку напротив «Люмена» записала человека, оставившего конверт, в 22:41.

Точнее, записала тёмное пальто, кепку, медицинскую маску и левую руку в перчатке. Лицо не появилось ни в одном кадре. Человек вышел из серого седана без номерных знаков, пересёк улицу, провёл у дверей кинотеатра сорок семь секунд и вернулся в машину.

— Он знал, где камера, — сказал Андрей.

Хозяин аптеки разрешил им смотреть запись только потому, что слушал ночную программу Андрея и однажды дозвонился в эфир с историей о женщине, которую любил в институте. Сейчас он стоял в дверях подсобки и делал вид, что не слушает.

— Или она, — заметила Ева.

— Рост примерно метр восемьдесят.

— Женщины бывают высокими.

— Походка мужская.

Костя наклонился ближе к монитору.

— Походка не бывает мужской. Бывает конкретной.

— Узнаёшь?

— Нет.

Он попросил прокрутить момент, когда неизвестный возвращался к машине. Изображение рассыпалось на крупные

квадраты. Человек слегка прихрамывал на правую ногу и не поворачивал головы, когда проезжал автобус.

— Он не боялся, что мы выйдем, — сказал Костя. — Значит, наблюдал за зданием и знал, что мы наверху.

Мира почувствовала неприятный холод между лопатками. За сорок минут в кинотеатре они говорили о пожаре, тайнах и собственных признаниях. Если неизвестный был внутри раньше, мог оставить не только конверт.

— Артём проверит здание, — сказала она.

Андрей посмотрел на часы.

— Сейчас семь утра.

— Он уже не спит.

— Ты откуда знаешь?

— Он всегда вставал в шесть.

Слова прозвучали слишком лично. Мира достала телефон прежде, чем кто-то успел улыбнуться.

Артём ответил после второго гудка.

— Что случилось?

Не «доброе утро». Не «почему ты звонишь». Он сразу понял: звонок в семь — не попытка поговорить о прошлом.

Мира рассказала о конверте и машине.

— Вы трогали ручки дверей после этого? — спросил он.

— Конечно. Мы выходили.

— До приезда полиции никого не пускайте внутрь.

— Полиции?

— У вас незаконное проникновение и угрозы.

— Это не угроза.

— Человек без номеров наблюдал за вами и написал, чтобы вы прекратили поиск. Это не приглашение на дискуссию.

— Полиция сообщит Волкову раньше, чем составит протокол.

На другом конце повисла пауза.

— Я приеду через двадцать минут, — сказал Артём.

— Ты не полиция.

— А ты пять минут назад собиралась использовать меня вместо неё.

Он отключился.

Когда Артём приехал, пятеро стояли у ограждения с кофе. Ночь не закончилась, просто стала утром. Ева закрывала глаза от солнца. Даня курил, хотя Мира не видела у него сигарет со студенческих времён. Андрей записывал на телефон номера машин, проезжавших мимо, превращая тревогу в работу.

Артём осмотрел замки, пломбы и следы возле двери. Потом вызвал знакомого эксперта из частной службы безопасности, а не полицию. Мира заметила это, но не сказала спасибо.

— Внутри могли установить что-нибудь? — спросил Даня.

— Могли. Поэтому сначала проверим сигнализацию и помещения, потом вы войдёте.

— У нас нет сигнализации.

— Теперь будет.

— За чей счёт?

Артём посмотрел на Миру.

— Пока за мой.

— Нет.

— Хорошо. Тогда стойте снаружи до тех пор, пока создадите фонд, откроете счёт и проведёте закупку.

— Я верну.

— Я не просил обещать.

Он вошёл с экспертом. Мира смотрела, как его фигура исчезает в тёмном фойе, и злилась на чувство облегчения. Не потому, что Артём приехал. Потому что рядом с ним опасность становилась задачей, а задача — последовательностью действий.

Через час выяснилось: неизвестный не проникал дальше кассовой зоны. На внутренней ручке были свежие следы, но замок не вскрывали. Скорее всего, дверь открыли старым ключом или дубликатом.

— У кого были ключи? — спросил Артём.

— У Павла, охранника, управляющей компании, — ответила Мира. — Возможно, у Льва.

— У Волкова, — сказал Даня. — У его людей всегда были ключи от всего.

— Доказательства?

— Он вошёл сюда в две тысячи восьмом, когда здание ещё дымилось, и забрал вещи Сони.

Мира повернулась к нему.

— Ты это видел?

— Видел машину. Самого Волкова не пустили. Его помощник ходил с полицейскими.

— Почему ты никогда не говорил?

— Потому что всем было всё равно. Искали тело, не коробку с плёнкой.

Артём записал фамилию помощника.

— Как звали?

— Сергей Кадин.

Имя не вызвало у Мира воспоминания. У Артёма — вызвало. Он перестал писать.

— Ты знаешь его? — спросила она.

— Видел в бумагах отца.

— Каких бумагах?

— Старых.

— Артём.

— Сначала найду.

— Ты только что требовал от нас доказательств.

— Поэтому и не собираюсь выдавать память за доказательство.

Мира хотела спорить, но сдержалась. В этом и состояла разница между ними: она привыкла вытаскивать наружу любую нитку, пока след не исчез. Артём не тянул, пока не понимал, к чему нитка привязана.

Эксперт установил временные датчики на двери и окна.

Мира договорилась с охранной фирмой о ночном посте. К девяти утра в фойе снова можно было войти.

На полу, где лежал конверт, Артём заметил белую крошку. Собрал в пакет.

— Штукатурка? — спросила Мира.

— Похоже на гипс с красителем.

— Из кинотеатра?

— Здесь штукатурка серая. Эта почти белая.

Костя сфотографировал крошку крупным планом.

— На подошве человека?

— Или на перчатке.

— И что это даёт?

— Пока ничего.

Артём выпрямился. Они остались у кассы вдвоём; остальные разошлись по залу, проверяя, всё ли на месте.

— Ты спал? — спросила Мира.

— Два часа.

— Прости.

— За звонок?

— За то, что снова втягиваю.

— Ты не втягиваешь. У меня контракт.

— С муниципалитетом, не со мной.

— Именно.

Он произнёс это слишком быстро. Мира поняла: линия, которую они пытались провести, снова появилась. Профессиональное — здесь. Всё остальное — за ограждением.

— В записке может быть правда, — сказала она. — Соня могла не хотеть, чтобы её нашли.

— Тогда она может сказать это сама.

— Если жива.

Артём посмотрел в тёмный зал.

— Ты уже веришь, что жива.

— Я не знаю.

— Веришь.

— А ты?

— Я верю, что кто-то очень не хочет, чтобы вы проверяли.

Он протянул ей пакет с белой крошкой.

— И это пока единственное, что можно доказать.

ГЛАВА 7. Семь дней

В первый день у них не было денег, разрешений, юридического лица и общего мнения о том, следует ли вообще спасать кинотеатр.

Зато был стол в бывшем кабинете директора, пять разномастных стульев и чайник, который Даня нашёл в реквизиторской. На чайнике маркером было написано «НЕ ВКЛЮЧАТЬ». Андрей включил. Пробки выбило во всём фойе.

— Отличное начало, — сказала Ева в темноте.

— Зато теперь надпись подтверждена экспериментально.

Когда Артём восстановил питание от временного щита, он забрал чайник и поставил у входа рядом с мусором.

— Диктатура инженеров, — прокомментировал Андрей.

— Естественный отбор собственников, — ответил Артём.

Он собирался уйти после проверки датчиков, но Мира попросила остаться на совещание. Слово «совещание» заставило всех сесть серьёзнее, хотя стол был накрыт газетой, а вместо протокола Андрей положил между ними коробку печенья.

— Семь дней заканчиваются в пятницу, — начала Мира.

— До этого нужно понять три вещи: можно ли технически сохранить здание, сколько это стоит и что именно оставил Павел.

— Четыре, — сказал Даня. — Где Соня.

— За семь дней мы её не найдём.

— Тогда зачем ставить срок?

— Чтобы не обещать друг другу жизнь, пока мы не способны провести в одной комнате час.

Ева кивнула.

— Это разумно.

— Ненавижу, когда разумной называют мысль, которая мне не нравится, — сказал Андрей.

Мира развернула лист.

— Я занимаюсь юридическим статусом, фондом и комиссией. Даня — плёнками и архивом. Ева — кассетой и всем звуком. Костя — фото, городские архивы и фиксация состояния. Андрей — публичная кампания и сбор средств.

— Почему я сразу отвечаю за деньги?

— Потому что ты умеешь заставлять незнакомых людей рассказывать правду в эфире.

— Это не значит, что они переводят деньги.

— Наоборот. После правды людям часто хочется заплатить, чтобы стало легче.

— А Артём? — спросил Костя.

Все посмотрели на инженера.

— Я не часть наследства, — сказал он.

— К счастью, — заметил Андрей. — Нас и так слишком много.

— Он готовит заключение и предварительный проект укрепления, — сказала Мира.

— По муниципальному контракту, — уточнил Артём.

— А всё сверх него?

— Сверх него ничего не обещал.

Мира встретила его взгляд. Ночью он заплатил за датчики. Сейчас специально отступал на шаг, потому что заметил, как быстро она начала считать его частью команды. Раньше она принимала помощь как подтверждение любви, а отказ — как предательство. Возможно, он боялся не кинотеатра. Того, что снова окажется внутри чужой обязанности.

— Тогда сверх него будем заказывать отдельно, — сказала она.

Артём чуть кивнул. Благодарность без долга.

— И ещё, — продолжила Мира. — Никаких самостоятельных утечек в прессу, проникновений в закрытые зоны и разговоров с Волковым без общего уведомления.

Даня откинулся на спинку.

— Ты уже разговаривала?

— На кладбище.

— И не сказала.

— Там нечего было сообщать.

— Он знал о завещании до оглашения. Это «нечего»?

Мира почувствовала, как совещание превращается в допрос.

— Хорошо. Он сказал, что участок его интересует и что знает, куда нас пригласили.

— Значит, у Кречетова утечка, — сказал Андрей.

— Или у Павла. Или Волков следил за ним.

— Или Лев рассказал, — добавила Ева.

— Лев не знал, что кинотеатр оставят нам, — возразила

Мира.

— Он мог знать о завещании.

Даня поднялся.

— Я поговорю с ним.

— Нет, — сказала Ева.

— Почему?

— Потому что ты смотришь на него как на человека, который украл у тебя отца Сони.

— Павел не был её отцом.

Ева медленно повернула голову.

— Я не это сказала.

Даня замер.

Мира вспомнила, как Соня защищала Павла от каждой шутки, как знала, где он хранит ключи, как в ночь пожара говорила о нём не как о владельце здания. Мысль была старой, но никогда не произносилась вслух.

— Вы думаете... — начал Андрей.

— Я ничего не думаю, — сказала Ева. — Я слышу, как Даня реагирует.

— Соня сказала мне за неделю до пожара, что Павел знает её лучше отца, — произнёс Даня. — Я решил, она говорит о кино.

— Это могло значить что угодно, — сказала Мира.

— Могло.

Он снова сел.

Они подписали простое соглашение: совместно оплачивать минимальные расходы, не продавать доли до завершения проверки, делиться найденными материалами. Костя поставил подпись, не читая последние две страницы. Ева прочитала каждую строку. Андрей нарисовал рядом с фамилией маленький микрофон, получил от Миры новый экземпляр и подписал нормально.

Даня задержал ручку над бумагой.

— Если Соня жива и не хочет возвращаться, что мы делаем?

Никто не ответил сразу.

— Спросим, — сказал Костя.

— А если не ответит?

— Примем.

Даня посмотрел на него с раздражением.

— Тебе легко.

— Нет. Просто человек имеет право не быть нашей развязкой.

Мира запомнила эту фразу.

После совещания Артём попросил её пройти в зал. Он установил датчики на трещину и хотел показать систему уведомлений. На экране планшета линия выглядела спокойной, почти безобидной.

— Если смещение увеличится на два миллиметра, придёт

сигнал, — объяснил он. — На пять — полная эвакуация и аварийная служба.

— А сейчас?

— Сейчас один и три десятых за сутки.

— Это много?

— Для конструкции, которая должна быть неподвижной, любое движение много.

Мира провела пальцем по графику, не касаясь экрана.

— Семь дней у нас есть?

— Вероятно.

— Ты ненавидишь точные обещания?

— Я ненавижу обещания, которые выдают за расчёт.

— Я помню.

Они оба поняли, что речь уже не о ферме.

Артём закрыл планшет.

— Я слышал про соглашение.

— Ты стоял в трёх метрах.

— Вы собираетесь принять наследство?

— Через семь дней решим.

— Ты уже решила.

— Почему все сегодня говорят мне, что я думаю?

— Потому что ты называешь решением момент, когда остальные согласятся с тем, что ты выбрала раньше.

Мира почувствовала вспышку злости. Слишком знакомую, слишком удобную.

— Ты не знаешь, что я выбрала.

— Знаю. Ты стоишь в аварийном здании после бессонной ночи и составляешь план на восемнадцать месяцев.

— А что должен делать взрослый человек? Сесть на тротуар и ждать вдохновения?

— Проверить, не спасает ли он здание только потому, что не смог спасти того, кто был внутри.

Мира отвернулась к экрану.

— Ты пришёл обследовать стены, Артём. Не меня.

— С тобой стены всегда идут в комплекте.

Он ушёл прежде, чем она нашла ответ.

В пятом ряду лежала фотография шестерых подростков. Мира подняла её и увидела на краю кадра то, чего раньше не заметила: в окне соседнего дома отражался человек.

Не лицо. Только белое пятно рубашки и рука, поднятая к телефону.

Кто-то снимал их с другой стороны двора.

ГЛАВА 8. То лето

В две тысячи четырнадцатом году Мира и Артём решили, что шесть лет — достаточный срок, чтобы прошлое перестало диктовать настоящее.

Они ошиблись на семь месяцев.

Артём вернулся в Ладожск в мае, получив работу в проектном бюро. Мира тогда защищала интересы жильцов дома на Прядильной, который город собирался расселить и снести. Они встретились на общественных слушаниях. Артём выступал от экспертов и говорил, что дом можно укрепить. Мира смотрела на него из третьего ряда и не слышала половины слов.

После заседания они выпили кофе.

Через неделю поцеловались у трамвайной остановки.

Через месяц сняли квартиру.

Ни один не произнёс «начать сначала». Они делали вид, что никакого начала не требуется: достаточно продолжить разговор, прерванный после школы. В первые недели это казалось правдой. Они знали любимые блюда друг друга, музыку, привычку Артёма оставлять шкафы открытыми и способность Миры засыпать поверх одеяла, а ночью отнимать его целиком.

Только взрослые версии этих привычек оказались другими.

Артём закрывал шкафы, потому что работал в местах, где падающие предметы становились причиной травм. Мира не спала до трёх, читая документы и отвечая жильцам. Он просил отложить телефон. Она говорила, что людям негде жить. Он отвечал, что завтра им негде будет жить тоже, если она не придёт на работу.

Они были счастливы не постоянно, а вспышками.

Утром, когда Артём варил кофе и включал радио слишком тихо. В автобусе, где Мира засыпала у него на плече. В первый снег, когда они вышли за хлебом и вернулись через два часа, потому что прошли пешком половину центра.

И в кинотеатрах.

Только не в «Люмене».

Мира никогда не предлагала туда пойти. Артём никогда не спрашивал.

В августе Павел получил первое официальное предписание устранить нарушения или освободить здание. Мира взялась за дело бесплатно. Квартира наполнилась планами, копиями актов, фотографиями трещин и списками бывших работников.

Артём помогал сначала сам. Проверил старые схемы, нашёл ошибку в расчёте участка, познакомил её с экспертом. Потом заметил, что «Люмен» занял стол, подоконник, выходные и ту часть ночи, когда они раньше говорили друг с другом.

— Поедем в Петрозаводск, — предложил он однажды. —

На два дня.

— В субботу встреча с жильцами соседнего дома.

— Перенеси.

— Они собирают подписи.

— Подписи не исчезнут за два дня.

— Разрешение на демонтаж могут выдать в понедельник.

Артём стоял в дверях кухни с билетами на телефоне.

— Я уже купил.

— Зачем, если не спросил?

— Потому что если спрашивать, у тебя всегда есть более важное дело.

— Это не отпуск. Здание действительно могут снести.

— Его могут снести десять лет.

— И поэтому надо перестать защищать?

— Поэтому надо хотя бы иногда жить там, где оно не горит.

Мира услышала обвинение, которого он не произносил.

— Я не просила тебя ждать.

— Нет. Ты просто была уверена, что я буду.

Он поехал один. Вернулся с магнитом на холодильник и молчанием, которое они не сумели разобрать.

В октябре Артёму предложили должность в Петербурге. С большим окладом, сложными объектами и командой. Он рассказал вечером, поставив на стол бутылку вина.

— Когда? — спросила Мира.

— С первого декабря.

— Два месяца.

— Да.

— Ты согласился?

— Пока нет.

Она ждала продолжения. Он тоже.

— Это хорошая работа, — сказала Мира.

— Хорошая.

— Ты хочешь?

— Хочу.

— Тогда соглашайся.

Артём поставил бокал.

— Поедешь со мной?

Вопрос не был неожиданным. Именно поэтому напугал.

В Петербурге у Миры не было работы, клиентов, матери рядом. Была жизнь Артёма, в которую ей предлагали войти, оставив здесь всё, что она считала своим долгом. Она представила новую квартиру, метро, чужие улицы. Представила «Люмен» без неё. Представила, как однажды получает сообщение: снос начался.

— Сейчас не могу.

— Когда сможешь?

— После решения по статусу.

— Это может занять годы.

— Не займёт.

— Мира.

Она терпеть не могла, как он произносил её имя, когда

хотел, чтобы она перестала объяснять и сказала правду.

— Я не могу уехать.

— Из города или от кинотеатра?

— Не делай это мелким.

— Я пытаюсь понять размер.

— Ты предлагаешь мне бросить работу, мать, всё, чем я занимаюсь.

— Я предлагаю поехать вместе. Работу можно найти. К матери приезжать. А здание...

— Скажи.

— Здание не заметит, что тебя нет.

Она ударила его словами, которые потом не могла вспомнить точно. О том, что он всегда выбирает удобство. Что уезжает, когда становится тяжело. Что его отец тоже закрыл дело о пожаре, потому что так было проще.

Последняя фраза изменила лицо Артёма.

— Не трогай отца.

— Почему? Он неприкосновенный?

— Он умер год назад.

— Это не делает отчёт правдой.

— И не даёт тебе права использовать его каждый раз, когда боишься признаться, что не выбираешь меня.

Он ушёл в ту ночь.

Через две недели забрал вещи.

Мира нашла билеты в Петрозаводск в кармане старой куртки уже после переезда Артёма. Два электронных поса-

дочных талона, распечатанных на бумаге. На её имя и на его.

Она хранила их восемь лет, хотя никогда не покупала магниты на холодильник.

Теперь, стоя в архиве городского комитета, Мира держала в руках две версии пожарного отчёта Олега Белова и снова думала о той кухне.

В первой версии, составленной через двое суток после пожара, причиной называлось короткое замыкание в сети аппаратной.

Во второй, датированной тем же числом, под строкой о причине стояла фраза:

«Не исключается внешнее воздействие на распределительный щит. Обнаружены следы вскрытия».

Фразу зачеркнули. Рядом была подпись Олега.

— Это копия из рабочего дела, — сказала архивистка. — В официальное подшили чистовой вариант.

— Где приложения? Фотографии щита, протокол осмотра?

— В описи есть. В коробке нет.

— Кто выдавал дело после две тысячи восьмого?

Архивистка открыла журнал.

— Несколько раз прокуратуре. Потом представителю собственника. В две тысячи двенадцатом — Олегу Сергеевичу Белову.

— Он забрал приложения?

— Расписка только на ознакомление.

— А последним?

Женщина провела пальцем по строке.

— Сергей Петрович Кадин. По доверенности «Волков Девелопмент». Две тысячи четырнадцатый год.

Тот самый год, когда Мира обвинила мёртвого Олега Белова в удобной лжи.

Она сфотографировала журнал и впервые подумала: возможно, Артём уехал не потому, что не умел оставаться.

Возможно, он просто устал быть человеком, которого она всегда ставила рядом с виноватыми.

ГЛАВА 9. Красная лента

К полудню следующего дня «Люмен» обвязали красно-белой сигнальной лентой так тщательно, будто город собирался не спасать людей от здания, а защищать здание от людей.

На входной двери висело постановление о запрете эксплуатации. Под ним — уведомление о заседании межведомственной комиссии через шесть дней. Ещё ниже кто-то приклеил распечатанную фотографию кинотеатра в шестидесятые: новый фасад, очередь у кассы, дети с воздушными шарами. На снимке красная лента проходила прямо по лицам.

Мира сорвала её, сложила и убрала в папку.

— Зачем? — спросил Андрей, снимавший короткое видео для страницы проекта.

— Для заседания. Покажу, как город соблюдает порядок: документ повесили поверх истории, даже не заметив.

— Это звучит как готовая цитата.

— Не используй.

— Уже записал.

У ворот собрались бывшие сотрудники. Кассирша Тамара Ильинична принесла связку старых программ. Киномеханик из девяностых требовал пустить его к аппаратам, потому что «там всё погибнет от сырости быстрее, чем от обвала». Две женщины спорили, какой фильм показывали в день знакомства их мужей. Подростки фотографировались у вывес-

ки, о существовании которой узнали утром из социальных сетей.

Андрей разместил ночью пост: «Городу оставили кинотеатр и восемнадцать месяцев, чтобы включить свет. Но у здания, возможно, есть только неделя». К утру публикацию перепечатали местные каналы. Под ней было три тысячи комментариев, большинство — о том, что ещё один торговый центр никому не нужен.

Мира знала цену большинству. Люди любили спасать здания нажатием кнопки. Когда требовалось прийти на слушание, написать обращение или перевести деньги, три тысячи превращались в сорок семь.

Сейчас у ворот стояло больше ста человек.

Это давало надежду и пугало одинаково.

— Уберите людей от фасада, — сказал Артём.

Он пришёл с двумя специалистами и геодезическим оборудованием. Увидев толпу, не поздоровался, а сразу начал расширять ограждение.

— Они на безопасном расстоянии, — ответила Мира.

— Безопасное расстояние определяю я.

— У нас пресс-конференция через двадцать минут.

— Перенеси через дорогу.

— На фоне аптеки?

— На фоне людей, которые не получают по голове куском карниза.

Она могла спорить. Вместо этого взяла мегафон и попро-

сила всех перейти на противоположный тротуар. Артём посмотрел на неё с едва заметным удивлением.

— Что? — спросила Мира.

— Ничего.

— Вы оба не умеете смотреть «ничего», — сказал Андрей, проходя мимо.

Временную пресс-конференцию устроили возле аптечного киоска. Мира рассказала о завещании, аварийном состоянии и намерении провести независимую оценку. Не упомянула Соню, найденные письма и плёнку. Даня стоял в стороне и хмурился: он хотел сразу объявить о возможной фальсификации расследования. Ева поддержала Миру. Пока у них не было подтверждений, публичная версия могла уничтожить доказательства быстрее огня.

Первый вопрос задала молодая журналистка городского портала:

— Правда ли, что компания Виктора Волкова предложила наследникам шестьсот миллионов за объект?

Мира увидела, как Даня повернулся к нотариусу Кречетову, стоявшему у входа. Сумма была конфиденциальной. Значит, утечка произошла не у них.

— Я не комментирую условия частных предложений, — сказала она.

— Вы откажетесь от продажи?

— Мы сначала узнаем, что именно продаём.

— Развалины, — произнёс мужской голос из толпы.

К журналистам подошёл заместитель главы города Платонов. Рубашка без галстука, круглые очки, улыбка человека, который пришёл выглядеть разумным между двумя крайностями.

— К сожалению, техническое состояние объекта вызывает серьёзные опасения, — сказал он. — Город не может позволить эмоциональным соображениям поставить жителей под угрозу.

— Именно поэтому обследование ведёт независимый инженер, — ответила Мира.

Платонов посмотрел на Артёма.

— Подрядчик муниципалитета.

— Вы сами его выбрали.

— Вы же вчера сомневались в независимости.

Мира поняла: он знает о её разговоре с Артёмом. Возможно, охранник рассказал. Возможно, микрофоны журналистов записали. Возможно, в городе просто не существовало закрытых разговоров, если участок стоил достаточно дорого.

— Я сомневаюсь во всём, что касается такой суммы, — сказала она. — В том числе в скорости, с которой ваше ведомство обнаружило аварийность на следующий день после смерти собственника.

В толпе зашумели.

Платонов сохранил улыбку.

— Заявление поступило за неделю до смерти Павла Лео-

нидовича.

— От кого?

— От гражданина, обеспокоенного состоянием здания.

— Назовите.

— Персональные данные.

— Тогда предоставьте заявление наследникам.

— В установленном порядке.

— Сегодня.

— В установленном порядке, Мирослава Андреевна.

Он попрощался с прессой и ушёл. Мира проводила его взглядом.

— Это он? — спросил Андрей тихо.

— Не думаю. Он слишком любит появляться после чужих решений.

Артём подошёл, когда журналисты разошлись.

— Нам нужно поговорить.

— Если о толпе, я уже перенесла.

— Об обследовании. Муниципалитет изменил техническое задание.

Он показал письмо на телефоне. Теперь подрядчик должен был не только оценить состояние, но и подготовить «обоснование экономической нецелесообразности восстановления при наличии угрозы прогрессирующего разрушения».

— Они заранее формулируют вывод, — сказала Мира.

— Да.

— Ты можешь отказаться?

— Могу. Тогда назначат другого.

— Который подпишет.

— Вероятно.

Мира посмотрела на красную ленту, трепещущую у входа. За ней стоял «Люмен», молчаливый и неудобный, как свидетель, которого пытаются признать невменяемым до допроса.

— Что ты сделаешь?

— Выполню первоначальную часть и отдельно укажу, что оценка экономической целесообразности не входит в компетенцию инженера.

— Тебя снимут с объекта.

— Возможно.

— Компания потеряет контракт.

— Возможно.

— Почему?

Артём нахмурился.

— Потому что так правильно.

— Ты всегда говорил, что «правильно» недостаточно для расчёта.

— В расчёте — недостаточно. В подписи — обязательно.

Мира хотела сказать, что гордится им. Это слово принадлежало людям, имеющим право оценивать чужой выбор. Вместо него сказала:

— Я подготовлю юридическое возражение.

— От имени собственников?

— От имени фонда, который мы регистрируем сегодня.

— Ты успела?

— Документы готовы.

Он покачал головой.

— Ты когда-нибудь спишь?

— Иногда в неохраяемых памятниках архитектуры.

— Неразумно.

— Поэтому рядом обычно инженер.

Между ними повисла пауза. Артём первым отвёл взгляд.

К фойе подошла пожилая женщина с мальчиком лет десяти. В руках у него была стеклянная банка, наполненная монетами.

— Это на кинотеатр, — сказал он. — Бабушка говорит, здесь познакомилась с дедушкой.

Мира присела, чтобы быть с ним одного роста.

— Как тебя зовут?

— Тима.

— Спасибо, Тима. Но пока у нас нет счёта, я не могу взять.

Мальчик расстроился.

Артём снял с планшета прозрачный пластиковый чехол, вложил туда лист и крупно написал: «ОБЕЩАНИЕ ПОМОЧЬ. ПРИНЯТО».

— Оставь банку себе, — сказал он. — Когда счёт появится, принесёшь снова.

Тима серьёзно кивнул и подписал лист печатными буквами.

Женщина увела его через дорогу. Мира смотрела на подпись.

— Это не юридический документ, — сказала она.

— Зато честный.

— Не ожидала от инженера символических жестов.

— Я тоже.

Он вернулся к оборудованию.

Через час на красной ленте появились первые бумажные полоски. Люди писали на них названия фильмов, имена, даты свиданий, короткие истории. Андрей предложил превратить ограждение в «ленту памяти».

К вечеру вокруг аварийного здания тянулась не граница запрета, а длинная красно-белая хроника города.

На одной полоске Мира увидела фразу без подписи:

«В ночь пожара свет выключили не изнутри».

ГЛАВА 10. Голос Павла

Ева работала со звуком в комнате, где не было окон.

Студию она устроила в бывшем бомбоубежище под жилым домом. Толстые стены не пропускали трамваи, соседские ремонты и дождь. Для любого другого человека это была идеальная тишина. Для Евы — место, где собственный слух становился самым громким предметом.

Тон в левом ухе никогда не исчезал. Высокий, ровный, похожий на сигнал, которым старый телевизор сообщал об окончании вещания. После бессонной ночи он становился резче. После кофе — тоньше. После воспоминаний о пожаре к нему иногда добавлялся низкий гул, и Ева снова чувствовала дым во рту.

Она включила мониторы, надела наушники и загрузила оцифрованную кассету.

Первые семь минут занимал шум. Не пустота — шорох магнитной ленты, щелчки, далёкое движение воздуха. Потом скрипнула дверь.

Ева остановила запись, увеличила волну, убрала часть частот.

Чей-то шаг.

Второй.

Мужской голос, слишком тихий для слов.

Она прогнала фрагмент через фильтр. Шум стал похож на

воду. Голос приблизился, но распался на согласные.

В дверь студии постучали условным ритмом: два коротких, пауза, один длинный. Мира знала, что обычный стук Ева может не услышать в наушниках.

— Входи.

Мира появилась с пакетом еды и двумя стаканами чая.

— Ты с утра здесь?

— С ночи.

— Ела?

— Теперь, видимо, да.

Мира поставила контейнеры на стол. Она старалась не смотреть на экран, но выдержала только минуту.

— Есть что-то?

— Есть воздух, дверь и человек, который не хотел говорить в микрофон.

— Мужчина?

— Скорее всего.

— Павел?

— Не знаю.

Ева включила обработанный фрагмент. Из колонок вышел шорох, затем едва слышное:

— ...не должен был...

Мира наклонилась.

— «Не должен был знать»?

— Или «не должен был ждать». Мозг дорисовывает знакомые слова. Поэтому я не показываю сырые записи след-

ствию, пока не уверена.

— Мы не следствие.

— Именно. У нас ещё больше причин услышать то, что хочется.

Мира села рядом.

— Ты помнишь голос Павла?

— Конечно.

— Тогда узнаешь.

— Голос меняется. Возраст, болезнь, помещение, микрофон. Узнавание — не доказательство.

— Ты говоришь как Артём.

— Это должно оскорбить?

— Нет. Просто сегодня все требуют от меня терпения.

Ева сняла наушники.

— Потому что ты пытаешься прожить восемнадцать месяцев за неделю.

— У нас комиссия через шесть дней.

— Комиссия решает судьбу здания. Ты пытаешься одновременно решить судьбу здания, Сони, Артёма и собственной вины.

Мира открыла контейнер, хотя не хотела есть.

— Почему все считают, что могут обсуждать Артёма?

— Потому что вы делаете это громче, чем думаете.

— Между нами ничего нет.

— Хорошо.

— Это было слишком быстро.

— Что?

— Ты согласилась.

— Я не обязана спорить с ложью, если она тебе нужна.

Мира молча протянула ей вилку.

Они ели под гул оборудования. Ева иногда останавливалась и возвращала запись на несколько секунд. После третьего раза отделила звук, похожий на щелчок зажигалки.

— Что это? — спросила Мира.

— Не зажигалка. Кнопка старого кассетника. Кто-то включил запись уже после начала разговора.

— Кассета лежала в шкафу аппаратной. Кто мог записывать?

— Павел. Матвей. Соня. Любой.

— Даня говорит, Соня умела пользоваться аппаратурой.

— За неделю до пожара она приходила ко мне домой с маленьким диктофоном. Просила убрать шум с записи.

Мира перестала жевать.

— Ты никогда не говорила.

— Потому что не смогла. На записи почти ничего не было.

— Что именно?

Ева смотрела на волну на экране.

— Мужчины в машине. Один говорил: «К пятнице здание должно быть пустым». Второй спросил про Громова. Первый ответил: «Громов подпишет или останется внутри».

— Почему ты молчала полиции?

— Соня заставила обещать. Сказала, если отец узнает, что

запись у неё, заберёт нас всех. Мне было семнадцать, Мира. Я верила, что взрослый мужчина может забрать человека просто потому, что он богатый. Потом начался пожар. Соня исчезла. Я решила, что именно запись привела его туда.

— Диктофон нашли?

— Нет.

— А копия?

— Я не делала. Соня забрала.

Мира почувствовала привычное желание немедленно позвонить Дане, Кречетову, Артёму, запросить протоколы, поднять список изъятого. Но увидела Еву: та сидела с прямой спиной, вцепившись пальцами в край стола, словно снова держала обещание восемнадцатилетней давности.

— Почему рассказала сейчас?

— Потому что кассета начинается тем же шумом. Вентилятор, гул двигателя, щелчок. Возможно, Соня переписала диктофон на плёнку или на эту кассету.

— Значит, здесь запись Волкова.

— Возможно.

Ева снова надела наушники. Мира ждала.

На одиннадцатой минуте голос стал яснее. Мужчина тяжело дышал, будто поднимался по лестнице. Затем произнёс:

— Если кто-то найдёт...

Шум.

— ...не верьте отчёту...

Ева остановила.

— Это Павел, — сказала Мира.

— Да.

На этот раз Ева не стала спорить о доказательствах.

Они слушали дальше. Павел говорил урывками. Запись будто делали на ходу, пряча аппарат под одеждой.

— Олег приехал раньше... Соня позвонила ему... Кадин...

Потом резкий удар. Мужской крик. Долгий гул.

И другая фраза, совсем тихая:

— Она вышла через сцену.

Мира схватила Еву за плечо.

— Верни.

Они прослушали пять раз.

«Она вышла через сцену».

Или «они вышли через сцену».

Или «я вышел через сцену».

— Нужно очистить, — сказала Ева. — И найти остальные участки.

— Сколько времени?

— Несколько дней.

— Комиссия через шесть.

— Тогда не мешай.

Мира поднялась, но у двери остановилась.

— Ева. Почему у тебя в студии всегда играет музыка, даже когда ты не работаешь?

Ева посмотрела на неё без улыбки.

— Потому что тишина после пожара больше никогда не была тихой.

Мира вышла. За тяжёлой дверью музыка снова включилась — едва слышная, почти без мелодии.

В коридоре она набрала Даню, но увидела входящий вызов с незнакомого номера.

— Мирослава Андреевна? — произнёс секретарь. — Виктор Сергеевич Волков хотел бы встретиться. Сегодня, в шесть. Он просил передать, что разговор касается не участка, а Софы.

ГЛАВА 11. Цена участка

Офис «Волков Девелопмент» занимал верхние этажи башни, построенной на месте старого хлебозавода.

Мира когда-то пыталась сохранить его кирпичный корпус. Тогда она была младшим юристом и верила, что достаточно показать историческую ценность, чтобы люди остановились. Волков выслушал экспертов, согласился оставить фасад и через месяц добился нового заключения: кладка аварийная. На месте цехов появился стеклянный комплекс, а кирпичи использовали в отделке ресторана на первом этаже.

Теперь официант провёл Миру через этот ресторан к отдельному лифту.

В кабинете Волкова не было семейных фотографий. На стене висела панорама Ладожска, снятая с высоты: река, порт, старые кварталы, тонкая полоса залива. «Люмен» находился где-то внизу, слишком маленький, чтобы различить.

Виктор Волков стоял у окна.

— Спасибо, что пришли.

— Вы сказали, разговор о Соне.

— Софье.

— Она просила называть её Соней.

Он повернулся.

— Вы всё ещё думаете, что знали мою дочь лучше меня?

— Я знала, чего она боялась.

— Подростки всегда боятся родителей. Особенно тех, кто не позволяет им разрушить собственную жизнь.

— Её жизнь разрушил пожар.

— Пожар разрушил много жизней.

Волков указал на кресло. Мира осталась стоять.

— Хорошо, — сказал он. — Без ритуалов.

Он положил на стол тонкую папку.

Внутри были банковские выписки Павла Громова. Регулярные переводы в Эстонию, на счёт фонда поддержки киноархивов. Первый — в октябре две тысячи восьмого. Последний — за два месяца до смерти.

— Что это? — спросила Мира.

— Деньги, которые Громов отправлял человеку, связанному с исчезновением Софьи.

— Кому?

— Получатель формально фонд. Фактически платежи курировала Анна Стрельцова, сотрудница архива в Таллине.

Мира старалась не показать, как фамилия входит в память. Анна Стрельцова. Пока ничего. Но Волков наблюдал слишком внимательно.

— Почему вы решили, что она связана с Соней?

— Потому что появилась в фонде осенью две тысячи восьмого без нормальной биографии. Потому что Громов отправлял ей деньги. И потому что два года назад она запросила в нашем семейном архиве копию свидетельства о рождении Софьи.

— Вы разговаривали с ней?

— Она отказалась.

— Возможно, это сама Соня.

Волков сел.

— Нет.

Слово прозвучало жёстче, чем всё остальное.

— Почему вы так уверены?

— Потому что я нашёл её фотографию.

Он достал снимок. Женщина лет тридцати пяти стояла возле афиши фестиваля архивного кино. Светлые волосы короче, чем у Сони. Очки. Чуть полнее лицо. Фотография была сделана издалека, небрежно, но Мира почувствовала, как воздух в кабинете становится другим.

Женщина могла быть Соней.

Не из-за лица. Из-за того, как держала голову, слегка наклонив, будто слушала собеседника и одновременно искала выход.

— Отдайте мне копию, — сказала Мира.

— Нет.

— Тогда зачем показываете?

— Чтобы вы поняли: Громов годами манипулировал вами. Он знал, что Софья может быть жива, и скрывал. Теперь оставил кинотеатр, который невозможно продать, пока вы не найдёте человека, не желающего возвращаться.

— Вы хотите, чтобы мы прекратили поиск.

— Я хочу, чтобы вы не позволили ему после смерти про-

должать чужую жестокость.

— Очень гуманно.

— Не делайте из меня карикатуру, Мирослава Андреевна. Это облегчает вашу работу, но мешает видеть.

— Тогда помогите увидеть. Передайте выписки, фотографию, контакты фонда.

— В обмен на что?

— Вы сказали, разговор не об участке.

— Не об общем предложении.

Волков открыл другую папку.

В ней лежал трудовой контракт. Директор фонда сохранения городской архитектуры, который «Волков Девелопмент» собирался создать. Оклад, бюджет, команда, право выбирать проекты. Цифры были меньше, чем предложение за долю, но опаснее. Они превращали сделку не в капитуляцию, а в возможность делать то, ради чего Мира жила.

— Вы отказываетесь от наследства, — сказал Волков. — Не убеждаете остальных, не препятствуете комиссии и не публикуете неподтверждённые материалы. Взамен получаете фонд, способный спасти десятки зданий, а не одно.

— И «Люмен» сносит.

— Если инженер признает восстановление нецелесообразным.

— Вы уже написали ему вывод.

— Я не отвечаю за формулировки муниципалитета.

— Вы отвечаете за людей, которые их придумали.

Волков сложил руки.

— Вы боретесь за кинотеатр из-за Софьи. Но Софья, возможно, жива и восемнадцать лет не захотела вас видеть. Что именно вы спасаете?

Мира посмотрела на фотографию Анны.

Вопрос был нечестным, потому что попадал в правду. Она спасала не только здание. Спасала возможность, что их ложь не стала последней точкой. Что Соня не умерла одна. Что Мира могла сделать что-то сейчас и тем самым изменить смысл того, чего не сделала тогда.

— Я спасаю право узнать, почему люди с вашими деньгами так торопятся уничтожить стены, — сказала она.

— Стены не говорят.

— Именно поэтому вы их любите.

Волков встал. Разговор закончился.

— Заберите предложение о работе. Не как согласие. Изучите.

— Я не возьму.

— Вы уже прочитали цифры. Остальное останется с вами без бумаги.

Мира направилась к двери.

— Мирослава Андреевна.

Она остановилась.

— Вы думаете, я не искал дочь? — спросил Волков. — Я потратил годы и сумму, которую вы даже не захотите представить. Нашёл её тётю, врачей, людей Громова. Каждый

след обрывался. Если Анна — Софья, то она выбрала жизнь без меня. Возможно, без вас тоже.

— Тогда почему вы хотите купить её долю?

— Потому что мёртвые и пропавшие не должны владеть городом.

— А вы должны?

Он не ответил.

В лифте Мира сфотографировала по памяти реквизиты фонда с выписки. Несколько цифр могла перепутать, но название запомнила: «Valgus». По-эстонски, как подсказал телефон, это означало «свет».

На улице её ждал Артём.

Он стоял у машины, скрестив руки.

— Ты следишь за мной? — спросила Мира.

— Кречетов сказал, Волков вызвал тебя. Я звонил. Ты не ответила.

— И решил приехать?

— Да.

— Почему?

— Потому что человек без номеров оставляет угрозы, а ты одна идёшь в офис того, кому выгодно, чтобы вы исчезли из здания.

— Я не просила охранять.

— Знаю.

Она открыла пассажирскую дверь, но не села.

— Он показал фотографию женщины в Таллине. Анна

Стрельцова. Павел переводил деньги фонду, где она работает.

— Похожа на Соню?

— Да.

— У тебя есть снимок?

— Нет.

— Документы?

— Нет.

— Тогда зачем показал?

— Хотел, чтобы я отказалась от наследства. Предложил фонд и работу.

Артём медленно выдохнул.

— Ты согласилась?

Мира вскинула голову.

— Ты серьёзно?

— Я спрашиваю.

— Нет.

— Но подумала.

— Да.

Он открыл рот, но она продолжила:

— Конечно, подумала. Он предложил деньги на десятки проектов, команду, возможность не унижаться перед чиновниками. Если бы я не подумала, это означало бы, что мне важен не результат, а собственная красавица.

— И что решила?

— Что фонд, который зависит от одного человека, сохра-

няет только то, что этот человек разрешает.

Артём кивнул.

— Правильный расчёт.

— Это комплимент инженера?

— Высшая форма.

Мира села в машину. Он обошёл капот.

— Отвези меня в городской архив, — сказала она.

— Сейчас почти девять.

— Архивистка ждёт. Я нашла две версии отчёта твоего отца.

Рука Артёма замерла на ключе зажигания.

— И?

— Во второй есть следы вскрытия щита. Фразу убрали из официальной.

— Он убрал?

— Подпись его.

Артём смотрел перед собой.

— Поехали, — сказал он.

— Ты уверен?

— Нет. Но это не причина оставаться.

ГЛАВА 12. Подпись Белова

Архивистка по имени Светлана Николаевна ждала их у служебного входа с выражением человека, который уже пожалел о собственном согласии.

— До десяти, — сказала она. — Потом сигнализация встаёт автоматически. И никаких фотографий документов без моего разрешения.

Мира показала служебное письмо от своего бюро. Артём — удостоверение инженера, хотя к архивному делу оно не имело отношения. Светлана Николаевна изучила оба документа и всё равно провела их внутрь так, словно они пришли красть историю по частям.

В читальном зале горела одна лампа. На столе лежали две папки: официальное дело о пожаре и рабочие материалы комиссии. Бумага пахла пылью, клеем и тем особым временем, которое не проходит, а высыхает.

Артём надел тонкие перчатки.

— Ты часто это делаешь? — спросил он.

— Читаю чужие ошибки?

— Приходишь в архив ночью.

— Только когда днём мне отказывают.

— То есть часто.

Мира придвинула первую версию отчёта. Артём не взял её сразу. Смотрел на подпись отца внизу страницы.

Олег Белов расписывался длинно, с высокой первой буквой и резким росчерком. Артём в детстве пытался копировать подпись на записках в школу, но у него всегда получалось слишком аккуратно. Отец смеялся: «Чтобы подделать взрослого, сначала научись спешить».

Сейчас росчерк выглядел не спешкой. Падением.

— Это его почерк, — сказал Артём.

— Я не сомневалась.

— Ты сказала, есть две версии.

Мира положила рядом рабочий экземпляр. В нём строка о следах внешнего воздействия была зачёркнута одной горизонтальной линией. Не замазана, не вырвана. Оставлена читаемой.

Артём провёл пальцем над бумагой.

— Отец всегда зачеркивал крестом.

— Что?

— Если исключал фразу, проводил две линии. Говорил, одна может быть случайной. Здесь одна.

— Подпись его.

— Да.

— Может, хотел, чтобы зачёркнутое прочитали.

— Или линию провёл другой человек, а отец подписал ниже.

Мира открыла протокол заседания комиссии. В списке присутствующих были Олег Белов, представитель владельца Павел Громов, сотрудник районной прокуратуры и Сергей

Кадин — «консультант по безопасности компании “Волков Девелопмент”».

— Почему Кадин участвовал в комиссии? — спросила она.

— Компания заявляла интерес к покупке участка. Его могли пригласить как представителя потенциального инвестора.

— Через двое суток после пожара?

— Нет нормального объяснения.

Они листали дело молча. В приложениях значились шестнадцать фотографий распределительного щита, проба изоляции, схема движения людей и запись первого вызова. Ничего из этого в папке не было. На листе выдачи документов стояли подписи прокуратуры, Олега и Кадина.

Последним материалы получал Кадин в две тысячи четырнадцатом году. Через два месяца после того, как Артём уехал из квартиры Миры.

— Я тогда разбирал вещи отца, — сказал он. — Возможно, Кадин узнал, что я нашёл бумаги.

— Какие бумаги?

— Не знаю. Было много коробок. Мама хранила всё после его смерти. Я забрал только личное.

— Где остальное?

— На даче у тёти. Если она не выбросила.

Мира достала телефон.

— Позвони.

— Сейчас девять сорок.

— Твоя тётя ложится рано?

— Она считает, что после девяти звонят либо пьяные, либо родственники с плохими новостями.

— Мы родственники с плохими новостями.

Артём не улыбнулся. Набрал номер и отошёл к окну.

Пока он говорил, Мира изучала фотографии общего вида. На одной пожарные вытаскивали оборудование из фойе. На другой стоял Виктор Волков, хотя в протоколе было записано, что он приехал утром. Часы на фасаде показывали 00:12.

Рядом с ним — высокий мужчина в светлой рубашке. Лицо закрывал пожарный.

Мира увеличила снимок телефоном.

— Артём.

Он закончил разговор и подошёл.

— Тётя ничего не выбрасывала. Поедем завтра.

— Посмотри.

Артём наклонился. На запястье мужчины в светлой рубашке виднелась широкая тёмная полоса — то ли часы, то ли браслет.

— Кадин? — спросила Мира.

— Возможно.

— На фотографии с крыши человек в окне тоже был в светлом.

— Полгорода летом ходит в светлых рубашках.

— У него что-то на руке.

— И у полгорода есть часы.

— Ты специально обесцениваешь каждую связь?

— Я отделяю связь от желания.

— Иногда желание первым замечает то, что расчёт про-
верит позже.

— Иногда желание делает виновным человека, потому что
его подпись стоит внизу.

Мира поняла, что разговор уже не о Кадине.

— Я не сказала, что твой отец виновен.

— В две тысячи четырнадцатом сказала.

— Мы сейчас не там.

— Для тебя мы всегда там, когда удобно.

Светлана Николаевна подняла голову от своего стола.

— Пять минут.

Артём закрыл папку слишком резко.

— Зачем ты привела меня?

— Потому что это твой отец.

— Нет. Ты привела, потому что хотела свидетеля соб-
ственной версии. Чтобы я увидел подпись и согласился: от-
чёт подделан.

— Он подделан.

— Возможно. Но пока мы знаем только, что были две вер-
сии и исчезли приложения.

— Чего тебе не хватает?

— Понимания, кто зачеркнул строку, кто забрал фотогра-
фии, почему отец приехал раньше вызова и почему потом

молчал.

— Этого всем не хватает.

— Тебе — нет. Ты уже вынесла приговор Волкову, Кадину и моему отцу. Разница только в степени вины.

Мира закрыла рот. Она могла сказать, что Волков заслужил подозрение. Что Олег подписал ложный вывод. Что Артём защищает отца из любви так же слепо, как она защищает «Люмен». Всё было бы логично и разрушительно.

Вместо этого спросила:

— Что ты помнишь о той ночи от него?

Артём опустил взгляд на подпись.

— Он приехал домой в шесть утра. Куртка пахла дымом. Мама спросила, есть ли погибшие. Он сказал: «Один точно. Возможно, двое». Потом увидел меня и попросил выйти.

— Ты слышал дальше?

— Они ругались. Мама говорила, что нужно сообщить кому-то выше. Отец ответил: «Выше уже знают».

— Почему ты никогда не рассказывал?

— Потому что до этой минуты не вспоминал.

Светлана Николаевна выключила дальний свет.

Они собрали документы. Перед тем как закрыть рабочее дело, Артём снова посмотрел на зачёркнутую фразу. Затем достал лист бумаги и быстро повторил подпись отца по памяти.

Высокая буква, резкий росчерк.

Получилось почти идеально.

— На официальном отчёте давление пера одинаковое, — сказал он. — На рабочем подпись продавила два листа, а линия зачёркивания — только верхний.

Мира поняла.

— Сначала подписал. Потом кто-то зачеркнул.

— Это уже можно проверить.

В коридоре Артём остановился.

— Завтра на дачу поеду один.

— Почему?

— Потому что это вещи моей семьи.

— В них может быть доказательство.

— Если найду, покажу.

— Обещаешь?

Он посмотрел на неё устало.

— Не проси обещаний, если собираешься считать их своей собственностью.

Мира хотела возразить, но он уже шёл к выходу.

На улице стало прохладнее. Красные огни башни Волкова отражались в реке. Артём открыл машину, затем неожиданно протянул ей ключи.

— Веди.

— Почему?

— Я не могу сейчас смотреть на дорогу и на эту подпись одновременно.

Это было не прощение. Даже не доверие.

Но впервые за много лет Артём позволил ей увидеть, что

ему тяжело, не превращая тяжесть в спор.

Мира села за руль.

ГЛАВА 13. То, чего не было в комнате

Квартира на улице Мельникова пустовала третий месяц.

Артём купил её после переезда обратно в Ладожск, но почти сразу получил проект в области и жил между гостиницами. Мебель доставили, коробки расставили, книги остались неразобранными. На подоконнике стояла кружка, которую он не помнил, чтобы покупал. Вероятно, подарок риелтора или банка — предмет, выданный человеку вместе с ипотекой и новой версией жизни.

После архива он не поехал спать. Поднялся в квартиру, включил свет и открыл шкаф, где хранил вещи отца.

Коробка была одна.

Часы с треснувшим стеклом. Набор отвёрток. Два блокнота с расчётами. Фотография родителей на берегу Белого моря. Пачка писем, которые отец отправлял матери из командировок. Никаких приложений к пожарному делу, снимков щита или имени Кадина.

Артём сел на пол.

В детстве отец казался человеком, который знает, почему происходит любое разрушение. Он мог провести рукой по стене и сказать, где проходит балка. Мог по запаху определить перегретую проводку. Никогда не оставлял зарядки в розетке, проверял газ трижды, учил Артёма считать ступени в незнакомых зданиях.

После смерти матери отец стал ещё осторожнее, будто безопасность могла компенсировать уже случившееся.

Мать Артёма погибла не в обрушении, как он говорил Мире. Не совсем.

Она работала бухгалтером на швейной фабрике. Зимой две тысячи девятого года в старом цехе просела кровля. Руководство знало о трещинах, но не остановило смену. Олег Белов участвовал в проверке за месяц до аварии и подписал предписание об ограничении доступа только к одной части здания. Крыша рухнула над другой.

Официально он не был виноват. Технически — тоже. Но Артём видел, как отец перечитывал копию своего заключения ночами, искал фразу, которая могла бы заставить директора закрыть весь корпус.

Через четыре года Олег умер от инфаркта на кухне, положив перед собой ещё один отчёт — о пожаре в «Люмене».

Артём не рассказал Мире подробностей. Когда они жили вместе, она знала только: мать погибла из-за чужой экономики, отец не пережил чувства вины. Артём боялся, что если дать больше деталей, Мира начнёт раскладывать их по своим папкам и искать виноватого даже там, где осталась только боль.

Теперь он сам разложил вещи на полу.

Во втором блокноте среди расчётов нашёл страницу без формул. Отец записал четыре имени:

П. Громов.

С. Кадин.

В. Платонов.

Л. Мельникова.

Последнее было ему незнакомо. Под именами — числа: 23:09, 23:11, 23:16, 23:17.

Время звонков?

Артём сфотографировал страницу. Хотел отправить Мира, но остановился. Не потому, что не доверял. Потому что каждое новое имя в её руках сразу становилось движением. Запросом, встречей, публикацией. Он ещё не понимал, что именно держит.

Телефон зазвонил.

Мира.

Он посмотрел на экран, дождался, пока звонок прекратится. Через минуту пришло сообщение:

«Ты доехал?»

Никакого вопроса о блокноте.

Артём написал: «Да».

Она ответила: «Хорошо».

Восемь лет назад Мира позвонила ему через три дня после ухода. Он не поднял. Потом она написала длинное письмо и удалила, прежде чем он успел открыть — в мессенджере осталось только уведомление. Следующее сообщение было о документах на квартиру. Они договорились о времени, разделили вещи, не говорили ни об отце, ни о Петербурге, ни о том, что оба ждали неправильного первого слова.

Артём обошёл пустые комнаты.

В спальне стояла новая кровать, на которой никто не спал. На кухне — два стула, потому что магазин продавал комплект. Он всегда говорил себе, что не устраивает жильё из-за поездок. На самом деле не хотел создавать комнату, в которой будет отсутствовать конкретный человек.

К полуночи он нашёл ещё одну вещь. В конверте с документами матери лежал ключ с биркой «Дача. Чердак». На обороте её почерком было написано: «Олеговы коробки. Не выбрасывать».

Тётя ответила утром и подтвердила: на чердаке действительно стоит старый металлический ящик. Олег привёз его за месяц до смерти и попросил никому не отдавать без Артёма.

— Даже полиции? — спросил Артём.

— Особенно полиции, — ответила тётя.

Он назначил встречу на вечер.

На работе его ждало письмо от директора компании. Муниципалитет требовал заменить руководителя обследования из-за «потенциального конфликта интересов»: фамилия Артёма фигурировала в старом деле, а его личные отношения с одним из собственников могли повлиять на выводы.

— Какие отношения? — спросил директор, закрыв дверь кабинета.

— Восемь лет назад мы жили вместе.

— И сейчас?

— Нет.

— Уверен?

Артём посмотрел на него.

— Это технический вопрос?

— Это вопрос контракта на двенадцать миллионов. Муниципалитет ищет причину снять нас. Твоя бывшая подала жалобу на задание, а вы вместе были в архиве до десяти вечера.

— Кто сообщил?

— Неважно.

— Важно.

Директор вздохнул.

— Артём, я знаю твою работу. Но мне нужны границы. Либо ты остаёшься инженером и прекращаешь помогать им вне задания, либо уходишь с объекта.

— Если уйду, кого поставят?

— Глеба.

Глеб Котов считал, что любое здание старше пятидесяти лет проще снести, чем объяснять заказчику, почему ремонт дороже нового строительства.

— Я остаюсь, — сказал Артём.

— Тогда никаких ночных установок за свой счёт, свиданий в архивах и поездок с собственниками.

Слово «свиданий» вызвало желание поправить. Он не стал.

После разговора Артём написал Мире:

«Муниципалитет заявил конфликт интересов. До завершения обследования общаемся только по объекту и письменно».

Ответ пришёл почти сразу:

«Поняла».

Ещё через минуту:

«Я не буду использовать наши отношения против твоего заключения».

Он прочитал и почувствовал раздражение. Она опять формулировала обещание так, будто главная опасность — её публичные действия. Не то, что он думает о ней каждый раз, проходя по пустой квартире. Не то, что вчера отдал ключи от машины, потому что рядом с ней мог позволить себе не держать всё.

Артём не ответил.

Вечером он поехал на дачу один.

На чердаке пахло сухими яблоками и мышами. Металлический ящик стоял под старым одеялом. Замок открылся ключом матери.

Внутри лежали фотографии распределительного щита «Люмена», кассета с подписью «23:09», копия чистового отчёта и запечатанный конверт.

На конверте отец написал:

«АРТЁМУ. ЕСЛИ “ЛЮМЕН” СНОВА ОТКРОЮТ».

Артём сел прямо на пыльные доски.

Он мог вскрыть письмо. Имел право. Отец адресовал его

ему.

Но ниже, другим почерком, была добавлена строка:
«Не открывай без Миры Зориной».

ГЛАВА 14. Пыль в луче

Даня не доверял цифровому изображению, когда дело касалось старой плёнки.

Компьютер позволял увеличить кадр, убрать царапины, усилить контраст и сделать из тени лицо. Именно поэтому ему нельзя было верить. Слишком легко получить то, что хочешь увидеть.

В лаборатории он попросил установить восстановленный фрагмент в механический просмотровый стол. Восемьдесят семь сантиметров плёнки. Около пяти секунд при скорости двадцать четыре кадра в секунду. Часть эмульсии сгорела, края были спаяны, но в середине сохранилась последовательность.

Мира, Ева, Костя и Андрей пришли к началу. Артёма не было.

— Где инженер? — спросил Андрей.

— Работает, — ответила Мира.

— Мы тоже вроде.

— Муниципалитет заявил конфликт интересов.

Ева посмотрела на неё.

— Из-за тебя?

— Из-за того, что мы знакомы.

— Это очень целомудренное описание восьми лет боли, — сказал Андрей.

— Можешь вести эфир молча?

— Нет. В этом и проблема профессии.

Даня выключил верхний свет. Лампа просмотрового стола зажглась, и плёнка двинулась между катушками.

Сначала экран заполнили красные и белые пятна. Потом появилось окно аппаратной. Камера дрожала, словно тот, кто держал её, шёл. На краю мелькнул профиль Сони.

Даня остановил.

В комнате стало слышно, как вращается пустая катушка.

— Это она, — сказала Мира.

— Да.

Соня была повернута к объективу вполоборота. Волосы прилипли к щеке. В руке — коробка с плёнкой. За ней, в дверном проёме, яркий свет.

— Когда снято? — спросил Костя.

— По времени камеры — 23:15:42, — ответил Даня. — Через минуту после отключения света и примерно за две до официального вызова.

— Значит, ещё до большого огня.

— Смотри дальше.

Он запустил плёнку.

Соня бежала по узкому коридору за сценой. Камера следовала за ней. Изображение прыгало, пропадало в засветке. На одном кадре она обернулась и сказала что-то человеку, который снимал.

— Звук есть? — спросила Ева.

— Магнитная дорожка повреждена. Попробуем.

Дальше открылась служебная дверь. Ночной двор. Чёрный автомобиль у стены. Рядом — мужчина в светлой рубашке.

Следующие кадры сгорели.

На последнем сохранилась только рука Сони, протянутая к объективу, и белая птица, нарисованная на внутренней стороне запястья.

Плётка закончилась.

— Кто снимал? — спросил Андрей.

Даня не ответил.

— Камера твоя, — сказала Мира.

— Была моя.

— Ты держал её?

— Не помню.

Ева сняла наушники.

— Ты говорил, после отключения побежал из аппаратной в зал.

— Так и было.

— Тогда кто шёл за Соней?

Даня провёл ладонью по лицу.

— В ночь пожара я нашёл камеру возле сцены. Корпус был горячий, кассета зажевана. Через три дня полиция вернула её без носителя. Павел сказал, плётку уничтожили при экспертизе.

— Павел написал тебе: «Ты держал её в руках через три

дня», — напомнила Мира.

— Я держал камеру.

— Он написал «плёнка».

— Возможно, имел в виду катушку, которую мне показали в полиции. Она была сплавлена.

Костя приблизил один кадр на мониторе. В отражении стекла двери виднелось лицо оператора — размытое, частично закрытое камерой.

— Это не Даня, — сказал он.

— Откуда ты знаешь? — спросила Ева.

— Рост ниже. Камера на уровне плеча Сони. Даня выше её на голову.

— Матвей?

— Возможно.

Даня покачал головой.

— Матвей был в аппаратной.

— Мы так думали, — сказала Мира.

На кадре мужчина в светлой рубашке поднял руку. На запястье — широкие часы. Такой же тёмный прямоугольник они видели на архивной фотографии.

Костя увеличил номер машины. Часть закрывало отражение, но две цифры и буква сохранились.

— Можно проверить архив регистрации? — спросил Андрей.

— За две тысячи восьмой официально — только через запрос, — ответила Мира. — Неофициально у меня есть че-

ловек.

— Я тоже попробую, — сказал Костя.

— Никаких самостоятельных действий, — напомнила Ева.

Костя посмотрел на неё.

— Я найду номер, не подожгу прокуратуру.

Даня снова прокрутил фрагмент. На этот раз медленно, кадр за кадром.

Соня бежит.

Оглядывается.

Протягивает руку.

Дверь открывается.

Машина.

Мужчина.

Огонь ещё не заполнил коридор. Значит, у неё было время выйти. Если она оказалась у реки, то пошла туда сама или её отвезли.

— Она могла сесть в машину, — сказала Мира.

— Не видно, — ответил Даня.

— Но мужчина ждал.

— Не видно, кого.

— Почему ты споришь?

Он остановил катушку.

— Потому что восемнадцать лет я просыпался с последним кадром, которого не существовало. Соня в огне. Соня в воде. Соня зовёт меня. Теперь появился настоящий кадр, и

вы уже хотите дописать продолжение.

Мира смягчила голос.

— Мы хотим понять.

— Я тоже. Поэтому не говорите, что она села в машину, пока не увидим.

Ева подошла к нему.

— Ты слышишь себя?

— Что?

— Говоришь как Артём.

Даня коротко рассмеялся, но в глазах стояла усталость.

— Значит, мы действительно взрослеем.

Лаборантка принесла распечатку технического анализа. На плёнке обнаружили два слоя склейки: фрагмент вырезали из более длинной последовательности и спрятали отдельно. Клей использовали в конце девяностых, в киноархивах такой почти не применяли.

— Павел? — спросил Андрей.

— Он умел монтировать, — сказал Даня. — Но зачем оставить только пять секунд?

— Чтобы мы нашли остальное, — ответила Мира.

Костя всё ещё смотрел на отражение оператора.

— У него на шее что-то есть.

После цифрового усиления проявился тонкий шнурок и маленький прямоугольник.

— Пропуск? — предположила Ева.

Даня приблизил ещё.

На прямоугольнике была надпись из четырёх букв. Первую скрывала царапина. Остальные читались ясно: «...РЕСС».

— Пресса, — сказал Андрей.

— В ту ночь журналистов не было, — ответила Мира.

— Официально.

Даня снял плёнку и уложил в контейнер.

Когда включили свет, пыль в луче лампы ещё несколько секунд двигалась над столом. Мира подумала, что правда ведёт себя так же: становится видимой только в узкой полосе, а стоит зажечь всё помещение — снова исчезает среди обычных вещей.

Телефон Кости завибрировал.

Он прочитал сообщение и поднял глаза.

— Номер принадлежал «Волков-Охрана». Машину списали через неделю после пожара.

— Водитель? — спросил Даня.

— Закреплена за Сергеем Кадиным.

ГЛАВА 15. Команда без доверия

Заявления о принятии наследства они подписали в пятницу, за два часа до окончания придуманного Мирой срока.

Кречетов разложил документы на том же столе. Седьмой стул оставался пустым. На этот раз никто не смотрел на него слишком долго: за неделю пустота стала не отсутствием, а участником.

— После принятия наследства вы несёте ответственность за содержание объекта, — предупредил нотариус. — Долги по коммунальным платежам, охране, налогам и обязательным работам переходят к вам пропорционально долям.

— Сколько? — спросил Андрей.

Кречетов назвал сумму.

— Я отзываю подпись, которой ещё нет.

— Мы откроем сбор, — сказала Мира.

— Сбор не оплатит прошлогоднее отопление здания, где не было отопления.

— Оспорим начисления.

— Ты говоришь это с радостью.

— Я юрист. У каждого свои извращения.

Ева подписала первой. Затем Костя. Даня поставил фамилию крупно, словно утверждал титр. Андрей долго изучал страницу, но тоже расписался.

Мира взяла ручку последней.

В этот момент дверь открылась, и вошёл Лев Громов.

Он был в чёрной водолазке, несмотря на жару, и держал конверт отца. За неделю письмо стало мятым, будто его много раз открывали и снова складывали.

— Я хочу присутствовать, — сказал он.

— Вы не наследник объекта, — напомнил Кречетов.

— Я наследник архива и оборудования, которое отец юридически не разделил. Кроме того, в письме он просит помочь им провести первый показ.

Даня посмотрел на него.

— Ты согласен?

— Нет.

— Тогда зачем пришёл?

— Понять, что именно он считал моей обязанностью.

Лев сел на свободный стул, предназначенный Соне. Даня сразу поднялся.

— Пересядь.

— Что?

— Это её место.

— Здесь нотариальная контора, не поминальный стол.

— Пересядь.

Мира ожидала, что Лев откажется. Но он посмотрел на пустую бирку ключа в коробке и без слова взял другой стул у стены.

Напряжение не исчезло, но стало управляемым.

Мира подписала заявление.

— Поздравляю, — сказал Кречетов. — Теперь у вас официально есть одна шестая аварийного кинотеатра, один общий срок и невозможность принять почти любое решение без остальных.

— Вы умеете создавать праздничное настроение, — заметил Андрей.

В «Люмене» они провели первое официальное собрание собственников. Артём разрешил использовать кабинет директора и фойе при условии, что одновременно внутри будет не больше двенадцати человек. На стене повесили большой лист с задачами.

Мира написала сверху: «ОТКРЫТИЕ — 31.12.2027».

Андрей добавил: «ИЛИ КРАСИВОЕ БАНКРОТСТВО».

Ева зачеркнула.

— Нам нужен руководитель проекта, — сказала Мира.

— Ты уже им стала, — ответил Даня.

— Я координирую юридическую часть.

— Ты координируешь всех.

— Тогда проголосуем.

— За то, что уже произошло? — спросил Андрей.

Мира вспомнила слова Артёма и положила маркер.

— Хорошо. Кто готов?

Никто не поднял руку.

— Именно.

— Я готов отвечать за публичную часть, — сказал Андрей. — Но не подписывать счета и объяснять строителям,

почему денег нет.

— Я займусь архивом, — сказала Ева. — Звуком, музыкальными программами, связью с киноархивами.

— Я — визуальной документацией и выставками, — добавил Костя.

— Я восстановлю фильм и буду снимать процесс, — сказал Даня.

— Без публикации материалов без согласия, — напомнила Мира.

— Согласие не означает цензуру.

— Означает защиту свидетелей.

— У нас пока нет свидетелей.

— Есть мы.

Даня хотел возразить, но промолчал.

Лев стоял у окна, читая лист задач.

— Для открытия нужен не только отремонтированный зал, — сказал он. — Нужна программа, лицензии, техника, акустика. Отец просил меня подготовить музыку к первому сеансу.

— Что за фильм? — спросила Ева.

— Не написал. Только фраза: «Картину, которую никто не слышал до конца».

— Может, наш фильм, — сказал Даня.

— В вашем фильме была музыка?

— Ева играла тему. Я не успел свести.

Лев впервые посмотрел на неё не как на одного из людей,

получивших отцовское здание.

— У вас сохранилась партитура?

— Нет.

— Помните мелодию?

Ева на секунду закрыла глаза.

— Помню всё, что не хочу.

— Тогда, возможно, это она.

Мира записала имя Льва в разделе «Музыкальная программа», поставив рядом вопросительный знак.

— Я не согласился, — сказал он.

— Поэтому знак.

— Вы всегда так присваиваете людям задачи?

— Только тем, кто приходит на собрание и начинает работать.

Андрей усмехнулся. Лев отвернулся, но не ушёл.

Артём появился ближе к вечеру. В руках у него был свёрнутый план и конверт отца. Он увидел Льва, удивился, затем подошёл к Мире.

— Нужно поговорить со всеми.

Они собрались вокруг стола. Артём развернул фотографии распределительного щита. На снимках были видны свежие царапины вокруг замка, перекушенная пломба и два провода, соединённых перемычкой.

— Короткое замыкание создали вручную, — сказал он. — Это не могло произойти из-за износа.

В комнате стало тихо.

— Ты уверен? — спросила Ева.

— Это фотографии моего отца. На обороте дата и место. Нужна экспертиза оригиналов, но технически вывод однозначен.

— Значит, поджог, — сказал Даня.

— Значит, вмешательство в щит. Огонь мог возникнуть как следствие.

Мира посмотрела на конверт.

— Что в письме?

— Не знаю. Отец написал открыть его вместе с тобой.

— Почему со мной?

— Сейчас узнаем.

Он положил конверт на стол, но Даня накрыл его ладонью.

— Если это касается пожара, открываем все.

Артём резко посмотрел на него.

— Письмо адресовано мне.

— А погиб Матвей. Исчезла Соня. Мы все имеем право.

— Право не появляется от количества вины.

— Тогда уходи и читай один.

Мира встала между ними.

— Стоп. Артём принёс доказательства добровольно. Письмо его. Если он решит прочитать мне, я сообщу только то, что касается общего дела, если там не будет просьбы о конфиденциальности.

Даня убрал руку.

— Мы опять начинаем хранить части правды отдельно.

— Нет, — сказала Ева. — Мы впервые признаём, что человек не обязан отдавать всё только потому, что нам больно.

Даня посмотрел на неё, затем сел.

Мира увидела, как Артём едва заметно расслабил плечи. Она защитила не его от Дани. Границу, которую раньше сама нарушала.

— И ещё, — сказал Артём. — После фотографий и изменения задания я выхожу из муниципального контракта.

— Что? — спросила Мира.

— Компания назначит другого специалиста. Я подготовлю независимую оценку для собственников бесплатно, если вы согласны.

— Тебя заставили?

— Я решил.

— Из-за конфликта интересов?

— Из-за конфликта совести.

Андрей тихо присвистнул.

— Как голосуем? — спросила Мира.

На этот раз руки подняли все пятеро.

Лев после паузы тоже.

— Ты не собственник, — заметил Даня.

— Знаю. Но вопрос хороший.

Артём свернул планы.

У них по-прежнему не было денег, доверия и уверенности, что здание простоит до конца года. Зато теперь появилась команда — именно потому, что каждый заранее обозна-

чил, чего не готов отдавать.

Мира посмотрела на лист задач. Под сроком открытия кто-то мелко написал:

«СНАЧАЛА ДОЖИТЬ ДО ПЯТНИЦЫ».

Она не стала зачеркивать.

ГЛАВА 16. Дом, который не ждёт

Мать Миры жила в квартире, где ничего не менялось без предварительного решения семейного совета, состоявшего из неё одной.

Ковёр висел на стене с девяното второго года. Хрустальная вазочка стояла на телевизоре, хотя телевизор давно стал плоским и вазочка теперь опасно балансировала на узкой панели. В прихожей сохранялась вешалка отца — два крючка, которыми никто не пользовался после его ухода.

— Ты похудела, — сказала Лариса Павловна, открывая дверь.

— За четыре дня?

— Значит, раньше. Я просто не говорила.

Мира сняла обувь и поставила пакет с продуктами на кухне.

— Как колено?

— Моё колено интереснее кинотеатра?

— Сегодня да.

— Тогда плохо. А завтра можешь снова спасти город.

Мать ходила, опираясь на столы и подоконники, но трость держала в углу. Операцию она откладывала третий год. Сначала из-за очереди, потом из-за денег, потом потому, что «зимой неудобно, летом жарко, а весной дача».

Мира открыла холодильник. Половина продуктов была

просрочена.

— Я запишу тебя в клинику.

— На какие деньги?

— Разберёмся.

— Только не продавай ради меня свою долю.

Мира повернулась.

— Откуда ты знаешь?

— По телевизору сказали, что вам предлагают миллионы.

Там ещё был симпатичный мужчина в каске. Артём постарел.

— Все постарели.

— Ты возле него — нет.

— Мам.

Лариса Павловна села за стол и начала чистить яблоко тонкой спиралью.

— Я не спрашиваю, что между вами. Ты всё равно ответишь юридическим языком.

— Между нами обследование.

— Вот видишь.

Мира поставила чайник. На подоконнике лежала стопка писем и квитанций. Среди них — рекламный буклет клиники, сложенный пополам.

— Ты уже узнавала стоимость.

— Для общего развития.

— Я оплачу.

— Из чего?

— Возьму кредит.

— У тебя уже кредит за бюро.

— Тогда попрошу у фонда аванс.

Мать положила нож.

— У какого фонда?

Мира рассказала о предложении Волкова. Не о фотографии Анны и не о сумме за долю — только о работе и возможности финансировать проекты.

Лариса Павловна слушала, не перебивая.

— Хорошее предложение, — сказала она.

— От Волкова.

— Хорошие деньги не становятся плохими от фамилии.

— Становятся, если за них надо молчать.

— А ты умеешь не молчать без денег?

Мира налила чай слишком резко, вода выплеснулась на стол.

— Ты хочешь, чтобы я согласилась?

— Я хочу, чтобы ты перестала выбирать самое тяжёлое только потому, что лёгкое кажется предательством.

Фраза была не материнской. Слишком точной. Мира вытерла воду.

— Ты думаешь, я спасаю «Люмен» ради Сони?

— Ты спасаешь всё, что может уйти, потому что однажды ушёл отец.

— Не надо.

— Почему? Про Олега Белова можно, про Виктора Вол-

кова можно, про мёртвых и пропавших можно. Про нашего папу нельзя?

— Это другое.

— Конечно. Наше всегда другое.

Отец Миры ушёл, когда ей было двенадцать. Не внезапно. Сначала стал позже приходить, потом оставил часть рубашек в новой квартире, затем сказал, что взрослые иногда перестают быть семьёй. Он обещал видаться каждую неделю. Через год встречи стали раз в месяц. Через три — поздравлениями в мессенджере.

Мира тогда решила, что люди уходят только из мест, которые им позволяют уйти. Поэтому держалась за друзей, работу, дома. Требовала обещаний и считала отказ предупреждением.

— Артём не отец, — сказала она.

— Я не говорила, что он отец. Я говорю, что ты рядом с ним снова становишься девочкой, которая заранее готовит доказательства, почему её нельзя бросить.

Мира встала.

— Мне надо в банк.

— Подожди.

Мать медленно дошла до шкафа в коридоре. С верхней полки достала жестяную коробку из-под печенья. В ней лежали школьные фотографии, документы, старые открытки.

Лариса Павловна вынула два билета.

Петрозаводск. Август две тысячи четырнадцатого. Мира

знала их наизусть.

— Откуда?

— Ты оставила куртку здесь после переезда. Я нашла в кармане.

— Я думала, они у меня.

— У тебя копии. Ты сделала копии, а оригиналы забыла.

Мира рассмеялась коротко, почти испуганно. Конечно. Даже несостоявшуюся поездку она хранила в двух экземплярах.

— Выброси, — сказала мать.

— Зачем?

— Потому что билет — не обещание. Он уже никуда не везёт.

Мира взяла бумагу. Чернила выцвели, дата почти исчезла.

— А если я хочу помнить?

— Помни. Только не называй хранение жизнью.

Она не выбросила билеты. Положила в сумку, понимая, что мать всё равно увидит в этом подтверждение своей правоты.

Перед уходом Мира записала номер клиники и договори-
лась, что в понедельник они вместе поедут на консультацию.

— Если Волков снова предложит деньги, — сказала Лариса Павловна у двери, — не отвечай сразу.

— Я уже ответила.

— Тогда в следующий раз сначала подумай о том, что спастись можно не только прошлое.

На лестнице Мира получила сообщение от Артёма:

«Нашёл письмо отца. Он велел открыть вместе. Сегодня после восьми?»»

Она смотрела на экран, держа в руке два старых билета.

Написала:

«Да. В “Люмене”».

Потом стёрла название кинотеатра и заменила:

«У меня в бюро. Там безопасно».

ГЛАВА 17. Фонд «Люмен»

Банк отказался открывать счёт фонду из-за мёртвого бенефициара.

— Она не бенефициар, — объясняла Мира сотруднице в четвёртый раз. — Она совладелец имущества, переданного в пользование фонду. Управление осуществляют пять присутствующих наследников до установления статуса шестого.

— В нашей системе стоит отметка «умерла», — ответила девушка.

— В реестре — признана умершей судом. Это не одно и то же для наследственного производства.

— Для системы одно.

— Позовите человека, который старше системы.

Андрей, сидевший рядом, закрыл лицо ладонью.

— Ты не должна оскорблять систему до того, как она выдаст нам деньги.

— Она не выдаёт. Она не принимает.

— Тем более. Безответная власть обидчивее.

Через двадцать минут появился начальник отделения. Он прочитал документы, позвонил в юридический департамент и предложил открыть временный счёт на имя одного из наследников.

— Нет, — сказала Мира.

— Почему? — шепнул Андрей.

— Потому что тогда сбор юридически станет личными поступлениями. Налоги, претензии, возможность блокировки.

— У нас уже блокировка без счёта.

— Зато без преступления.

К вечеру они нашли небольшой банк, готовый открыть специальный счёт после дополнительной проверки. Проверка занимала десять рабочих дней.

— Комиссия через четыре, — сказал Андрей.

— На аварийные работы деньги даст фонд Антона, — ответила Мира.

— Какого Антона?

Она поняла, что впервые произнесла имя вслух.

— Силантьев. Фонд «Город рядом». Мы работали с ними по дому на Пряжильной.

— Тот Антон?

— Какой?

— За которого ты собиралась выйти замуж.

Мира посмотрела на него.

— Откуда знаешь?

— Я ведущий. Люди добровольно рассказывают мне больше, чем следует. Иногда даже друзья.

— Кто?

— Твоя мать дозвонилась в эфир три года назад и жаловалась, что дочь отказалась от нормального мужчины ради трещин в стене.

— Она не называла имени.

— Ты сейчас назвала.

Мира решила, что убивать коллегу до открытия счёта нерационально.

Антон приехал к «Люмену» через час. Высокий, аккурат-но одетый, с тем спокойствием, которое отличало людей, умеющих входить в конфликт без личной ставки. Он поцеловал Миру в щёку и пожал Андрею руку.

— Рад, что ты позвонила, — сказал он.

— Это рабочий вопрос.

— Я заметил. Личные ты формулировала короче.

Андрей кашлянул, скрывая улыбку.

Антон осмотрел ограждение, временные опоры, список работ. Артём находился в зале с геодезистами и вышел, когда они обсуждали стоимость первичного усиления.

Мира представила мужчин.

Они знали друг о друге. Это стало понятно по тому, как оба пожали руки — корректно и без вопроса «мы встречались?».

— Белов, — сказал Антон. — Вы делали экспертизу дома на Прядыльной.

— Да.

— Хорошая работа.

— Спасибо.

— Мира тогда говорила, что вы лучший инженер из всех, с кем она спорила.

— Она ранжирует?

— Всех.

Мира перебила:

— Нам нужна оплата временного укрепления и независимой экспертизы. Фонд сможет?

Антон открыл планшет.

— Сможет выделить до пятнадцати миллионов из резервной программы. Но потребуется совет, смета, контроль расходов и соглашение о публичности.

— Сколько времени?

— Экстренный транш — три дня.

— Комиссия через четыре.

— Тогда решение должно быть сегодня.

Артём изучил требования.

— Их технический консультант получит право остановить работы.

— Стандартное условие, — сказал Антон.

— Консультант кто?

— «СеверПроект».

— Они работали на Волкова по порту.

Антон посмотрел на Миру.

— Половина крупных компаний работала на Волкова.

— Именно поэтому у нас проблема, — ответила она.

— Проблема у вас ещё и потому, что вы хотите деньги без контроля.

— Мы хотим контроль без чужого интереса.

— Таких денег не бывает.

Артём вернул планшет.

— Если консультант не вмешивается в выводы обследования и решения принимает комиссия из трёх специалистов, условие приемлемо.

— Я могу добавить это, — сказал Антон.

Мира наблюдала за ними и неожиданно почувствовала раздражение. Не ревность — её зеркальное отражение. Мужчины за пять минут нашли профессиональный язык, которого ей с каждым из них не хватало в личном разговоре.

Антон ушёл звонить совету. Андрей отправился готовить эфир. В фойе остались Мира и Артём.

— Ты знал, что мы были помолвлены? — спросила она.

— Да.

— Откуда?

— Общие знакомые.

— Почему никогда не спросил?

— Когда?

— Сейчас. Раньше.

— Раньше мы не разговаривали. Сейчас это не относится к объекту.

— Ты действительно способен всё разделять?

— Пытаюсь.

— Получается?

Он посмотрел через стеклянную дверь на Антона.

— Нет.

Это было единственное личное слово, которое Артём поз-

волил себе. Затем открыл планы и начал обсуждать опоры.

К девяти вечера совет фонда предварительно одобрил транш. Условия должны были подписать утром.

Андрей повесил у входа прозрачный ящик с надписью «ОБЕЩАНИЯ ПОМОЧЬ». Люди опускали туда записки вместо денег, которые банк пока не позволял принимать.

Первую написал Тима:

«ПРИНЕСУ БАНКУ, КОГДА СКАЖЕТЕ».

Вторую — женщина без фамилии:

«МОЙ МУЖ УМЕЛ ЧИНИТЬ КРЕСЛА. Я ОТДАМ ЕГО
ИНСТРУМЕНТЫ».

Третью нашли поздно вечером.

На ней было только:

«Я ЗНАЮ, КТО ВЫКЛЮЧИЛ СВЕТ».

И номер телефона.

ГЛАВА 18. Первый эфир

Андрей решил позвонить по номеру в прямом эфире.

Мира запретила.

— Это потенциальный свидетель.

— Это потенциальный тролль, — ответил Андрей. — Если звонить в тишине кабинета, он повесит трубку. В эфире люди иногда говорят только потому, что понимают: назад уже не забрать.

— Именно поэтому нельзя. Ты превращаешь признание в ловушку.

— А следовательский кабинет — не ловушка?

— Мы не следователи.

— Мы вообще никто. Поэтому человек и написал на бумажке, а не в полицию.

Они спорили в фойе за час до начала программы. Радиостанция разрешила провести выездной эфир при условии, что Андрей не будет обвинять конкретных людей и не использует технику в аварийной зоне. Фургон стоял у входа, кабели тянулись к импровизированному столу возле кассы. За стеклом толпились зрители.

«После двенадцати» впервые собиралась выйти не из звуконепроницаемой студии, а из места, где любое слово имело эхо.

— Позвони не в эфире, — предложила Мира. — Узнай,

кто это.

— Если ответит, попрошу согласие.

— И запишешь?

— С предупреждением.

— Хорошо.

Андрей набрал номер. Громкая связь была выключена. Остальные видели только его лицо.

Длинные гудки.

Ответили на пятом.

— Добрый вечер, — сказал Андрей. — Меня зовут Андрей Соколов. Вы оставили номер у «Люмена».

Он слушал.

— Да, я один. Нет, полиция не рядом.

Пауза.

— Вы написали, что знаете, кто выключил свет.

Андрей нахмурился.

— Когда сможете встретиться?

Ещё пауза.

— Хорошо. Я не буду спрашивать имя. Можно задать один вопрос? Вы были в здании в ночь пожара?

Связь оборвалась.

— Что сказал? — спросил Даня.

— Мужчина. Голос пожилой. Сказал, что видел, как к распределительному щиту подошёл человек с ключом. Встретаться отказывается. Позвонит сам после эфира.

— Почему после?

— Хочет услышать, что мы расскажем.

— Значит, проверяет, сколько знаем, — сказала Мира.

— Или боится, что мы такие же, как те, кому он молчал восемнадцать лет.

В полночь над кассой загорелась красная лампа. Андрей надел наушники.

— Доброй ночи, Ладожск. Сегодня мы говорим из кино-театра, который закрыт почти столько же, сколько некоторые наши слушатели живут. Здесь пахнет пылью, мокрым деревом и кофе, который нельзя включать в розетку. Перед мной пустое фойе, за стеной — зал, куда пока нельзя входить. И у нас один вопрос: что остаётся от места, когда из него уходят люди?

Первые звонки были обычными.

Женщина рассказала, как сбежала с уроков на дневной сеанс и впервые держала будущего мужа за руку. Мужчина признался, что работал контролёром и пропускал детей без билетов, если оставались свободные места. Пожилая актриса вспомнила, как в семидесятые перед показом фильма читала со сцены стихи, а потом забыла текст и весь зал подсказывал.

Истории заполняли фойе мягче электрического света. Люди за стеклом слушали через уличные колонки. Мира сидела у стены, наблюдая, как Андрей превращается в голос: движения замедлялись, взгляд становился внимательным, даже шутки звучали не ради него, а чтобы собеседник дошёл до следующей фразы.

В час двадцать позвонил Лев Громов.

— Я вырос в этом кинотеатре, — сказал он, не назвав имени. — Отец показывал мне фильмы после закрытия. Мы сидели вдвоём в большом зале. Иногда он засыпал, а я смотрел до конца. Потом я уехал и долго думал, что кинотеатр для него важнее меня. Теперь здание оставили другим людям. Я пытаюсь решить, подтверждает это мою правоту или опровергает.

Андрей узнал его, но не выдал.

— Что бы вы спросили у отца, если бы он сейчас сидел в зале?

— Почему любовь к месту требовала так много молчания.

— А что бы вы сказали?

Долгая пауза.

— Что всё равно пришёл.

Линия отключилась.

Ева стояла у кабелей, держа чашку. Мира увидела, как она вытирает щёку тыльной стороной ладони.

В два часа Андрей заговорил о пожаре. Без имён и обвинений. Сказал, что официальная причина вызывает сомнения, что найден фрагмент плёнки и что пятеро подростков восемнадцать лет жили с неполной правдой.

— Мы не просим слушателей становиться детективами, — сказал он. — Мы просим тех, кто видел, слышал или помнит, перестать решать за нас, выдержим ли мы.

Телефонная линия загорелась шестью вызовами одновре-

менно.

Среди них был тот номер.

Андрей включил его не сразу. Посмотрел на Миру. Она кивнула — только после того, как увидела на экране отметку оператора: согласие на эфир получено.

— Вы в эфире. Как к вам обращаться?

— Никак, — произнёс пожилой мужской голос. — Я работал электриком в управляющей компании.

— Вы были у «Люмена» восемнадцатого июня две тысячи восьмого?

— Был утром. Меняли автомат в щите. Потом вечером вернулся, потому что начальник сказал оставить служебный ключ охране.

— Что вы увидели?

— Машину у двора. Мужика в светлой рубаше. Он открыл щит своим ключом. Я спросил, кто такой. Он показал бумагу от собственника.

— От Павла Громова?

— На бланке Волкова. Я ушёл. А ночью пожар.

— Вы сообщили следствию?

— Сообщил. Следователь записал.

— Олег Белов?

— Нет. Другой. Молодой. Потом меня вызвали ещё раз, уже Кадин сидел в кабинете. Сказали, ключ потеряли раньше, человек был сотрудником охраны и проверял сигнализацию.

— Вы узнаете его?

— Узнаю хромоту. Он тогда повредил ногу на стройке.

Мира вспомнила человека на записи аптеки. Прихрамывал на правую ногу.

— Это тот, кто оставил записку сегодня? — спросил Андрей.

Мужчина замолчал.

— Вы были у кинотеатра вчера вечером?

Связь оборвалась.

В фойе никто не двигался.

Телефон ведущего завибрировал. Пришло сообщение с того же номера:

«КАДИН ЗНАЕТ, ЧТО Я ПОЗВОНИЛ. НЕ ИЩИТЕ МЕНЯ».

Через секунду профиль абонента исчез из мессенджера.

Андрей снял наушники только после музыкальной отбивки.

— Теперь полиция, — сказала Мира.

— Теперь он исчезнет.

— Если ещё не исчез.

За стеклом уличная толпа начала расходиться. На противоположной стороне стоял мужчина в кепке. Он не хромал. Просто смотрел на вход.

Костя поднял камеру.

Мужчина отвернулся и ушёл.

ГЛАВА 19. Чужой жених

Антон Силантьев любил договоры, в которых каждый риск был назван заранее.

Именно это когда-то привлекло Миру. Рядом с ним будущее выглядело не обещанием, а проектом: доходы, квартира, поездки, дети, отдельные счета, общий календарь. Он никогда не опаздывал, не исчезал посреди ссоры и не говорил, что нужно «почувствовать». Чувства Антон тоже обсуждал — спокойно, по пунктам, не повышая голоса.

Они познакомились через год после ухода Артёма. Пожениться собирались через два. Свадьбу отменили за месяц, когда Мира поняла: Антон строит с ней жизнь, а она проверяет, достаточно ли прочны стены.

Он не обвинял.

Сказал: «Ты любишь меня честно, но не полностью».

Эта фраза ранила сильнее скандала.

Теперь Антон сидел в её бюро и читал соглашение о финансировании «Люмена». На столе лежали сметы, фотографии фермы, протокол ночного эфира и распечатка сообщения исчезнувшего электрика.

— Это нельзя смешивать, — сказал он.

— Что именно?

— Реставрационный проект и расследование возможного преступления. Фонд даст деньги на здание. Не на поиск Со-

ни, не на обвинения Волкова и не на эфиры с анонимными свидетелями.

— Волков пытается снести здание именно из-за расследования.

— Возможно. Но совет не профинансирует войну с человеком, который жертвует половине городских культурных учреждений.

— Поэтому он и жертвует.

— Может быть. Но это не доказательство.

Мира откинулась на стуле.

— Ты всегда так хорошо ладил бы с Артёмом.

Антон поднял глаза.

— Мы не ладим.

— Вы говорите одинаковыми фразами.

— Разница в том, что я знаю: ты слышишь их только от него.

Она замолчала.

Антон закрыл папку.

— Я не пришёл обсуждать прошлое. Но поскольку ты сама открыла дверь...

— Я сравнила подходы.

— Ты сравниваешь нас с первого дня знакомства.

— Неправда.

— Мира, в нашей первой поездке ты сказала, что Артём всегда садился со стороны прохода. Когда я предложил переехать, ты спросила, не станет ли это «ещё одним Петер-

бургом». Перед свадьбой отказалась от общей квартиры, потому что не хотела быть человеком, который снова уезжает ради мужчины.

— Я не говорила «ради мужчины».

— Именно. Ты говорила «ради чужого плана». Слова менялись, фамилия оставалась.

Мира посмотрела в окно. На крыше соседнего дома рабочие снимали старую антенну. Металл медленно наклонялся на страховочном тросе.

— Почему ты всё равно был со мной?

— Потому что любовь не становится ненастоящей от того, что в комнате есть ещё чья-то тень. Вопрос только, готов ли человек однажды включить свет.

— Ты сейчас очень красиво говоришь для человека, который пришёл обсуждать смету.

— Я готовился восемь лет.

Он улыбнулся без обиды.

— Артём знает, что мы были помолвлены?

— Знал.

— И что сказал?

— Ничего.

— Это похоже на него по твоим рассказам.

— Я не рассказывала тебе о нём так много.

— Ты рассказывала о себе рядом с ним. Этого достаточно.

Антон встал и подошёл к доске проектов. На ней висели фотографии домов, которые бюро помогло сохранить. Неко-

торые всё равно снесли. Мира не снимала их — считала, что поражение тоже должно занимать место на стене.

— Совет одобрит деньги, — сказал Антон. — Но назначит управляющего. Не меня. И потребует, чтобы все материалы о пожаре передавались юристам отдельно от публичной кампании.

— Я не позволю скрывать.

— Никто не просит скрывать. Просят не делать заявление до проверки.

— За это время Волков уничтожит следы.

— Восемнадцать лет не уничтожил.

— Мы не знаем.

— Именно.

Он посмотрел на неё внимательно.

— Ты хочешь сохранить «Люмен» или победить Волкова?

— Одно невозможно без другого.

— Это ответ юриста. А твой?

Мира подумала.

— Я хочу войти туда и не чувствовать, что Соня всё ещё осталась внутри.

Антон кивнул.

— Вот с этим фонд помочь не сможет.

Он подписал соглашение со своей стороны.

Перед уходом остановился у двери.

— Я рад, что ты позвонила.

— Даже если всё ещё неполная?

— Теперь это не моя комната.

После него остался запах дорогого парфюма и чувство, похожее не на сожаление, а на возвращённый предмет. Мира поняла: она любила Антона. Не ошибочно, не «вместо» Артёма. Просто той частью себя, которая хотела спокойной жизни и не умела в неё войти.

Телефон завибрировал.

Артём написал:

«Я у входа. Письмо со мной».

Мира спустилась. Он стоял возле красной ленты, в руках держал конверт Олега.

— Почему здесь? — спросила она. — Я написала адрес бюро.

— Видел, как вышел Антон. Решил, что у вас встреча.

— Рабочая.

— Не обязан объяснять.

— Но ты хочешь знать.

Артём посмотрел на конверт.

— Я хочу открыть письмо отца.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Мира могла заставить его говорить. Раньше заставила бы. Вместо этого открыла калитку.

— Тогда пойдём. В кабинете есть свет.

Они вошли в «Люмен», оставив вопрос снаружи. Но Мира знала: некоторые вопросы проходят через любую дверь, даже

если у них нет ключа.

ГЛАВА 20. Условия помощи

Управляющего от фонда звали Ольга Семёнова.

Она пришла в «Люмен» в восемь утра, осмотрела фойе, сфотографировала красную ленту и за первые десять минут задала больше неприятных вопросов, чем Волков за две встречи.

— Кто утверждает расходы?

— Собственники, — ответила Мира.

— Единогласно?

— По текущим расходам — большинством. По капитальным — единогласно.

— У вас нет регламента.

— Подготовим.

— Кто несёт персональную ответственность за нахождение волонтёров в здании?

Мира посмотрела на Артёма.

— Инженер определяет зоны, я организую доступ.

— Значит, вы.

Ольга записала.

— Где журнал инструктажей?

Андрей показал тетрадь, на обложке которой было написано «НЕ УМЕРЕТЬ ДО ПРЕМЬЕРЫ».

— Это надо заменить, — сказала Ольга.

— Название или журнал?

— Вас, если продолжите.

Андрей сразу её полюбил.

Фонд соглашался перечислить пятнадцать миллионов тремя траншами. Первый — на экстренное укрепление и экспертизу. Второй — после утверждения проекта. Третий — при наличии софинансирования. Ольга получала право приостанавливать любые работы, если документы или безопасность вызывали сомнения.

— А расследование? — спросил Даня.

— В договоре его нет, — ответила она. — Значит, фонд не вмешивается и не платит.

— Если найденные материалы повлияют на строительство?

— Передаёте мне копию. Оригинал храните у нотариуса или в банковской ячейке.

— Если материалы указывают на Волкова?

— Я управляющий, а не исповедник. Мне всё равно, на кого они указывают, пока вы не используете средства фонда для клеветы.

Мира посмотрела на Антона. Тот стоял у двери и едва заметно улыбался: он обещал независимого управляющего и выбрал человека, которого невозможно было назвать удобным.

Ольга попросила всех подписать декларацию конфликта интересов. Когда очередь дошла до Миры, она указала прошлые отношения с Антоном. Артём читал свой экземпляр,

но Мира заметила, как задержалась его ручка.

— Это обязательно? — спросил Андрей.

— Всё, что может повлиять на решение, обязательно, — сказала Ольга.

— Тогда нужно указать, что Даня ненавидит Льва, Ева ненавидит тишину, Мира — компромиссы, а я — утро.

— Можно приложением.

Лев, пришедший с нотами отца, тихо рассмеялся. Даня посмотрел на него, но впервые не ответил.

После подписания Ольга собрала пятерых отдельно.

— Я согласилась не из-за кинотеатра, — сказала она. — Мой брат погиб на стройке, где благотворительный фонд оплатил ремонт без контроля. Все хотели сделать добро быстро. Никто не проверил леса. Поэтому первое правило: никакой красивой срочности.

Мира почувствовала, что слова адресованы ей.

— Комиссия через три дня.

— Тогда за три дня мы сделаем только то, что возможно безопасно.

— Если не успеем, здание признают нецелесообразным.

— Если поспешим, кто-то может погибнуть. Вы собираетесь спасти память о погибшем, создавая нового?

Мира не нашла ответа.

Артём нашёл.

— Приоритеты правильные. Сегодня можем провести лазерное сканирование и установить дополнительные маяки.

Завтра — вскрыть два узла. Этого хватит для предварительной схемы усиления.

Ольга кивнула.

— Смета к полудню.

Они говорили на одном языке — не потому, что были похожи, а потому, что соглашались: результат не оправдывает любую цену.

Мира подошла к Антону, когда остальные разошлись.

— Ты специально выбрал её?

— Конечно.

— Чтобы она тормозила меня?

— Чтобы проект пережил твою скорость.

— У тебя сохранилась привычка решать, что мне полезно.

— А у тебя — воспринимать профессиональный контроль как личный.

Он попрощался и ушёл.

Артём стоял у входа в зал с планшетом.

— Он прав, — сказал он.

— Ты подслушивал?

— В пустом фойе это называется присутствовать.

— Вы сегодня сговорились?

— Нет. Мы просто оба знаем тебя.

Мира посмотрела на него.

— Он знает одну версию.

— А я?

— Ты знаешь ту, которую бросил восемь лет назад.

Артём не ответил сразу.

— Именно поэтому не уверен, что знаю нынешнюю.

— Можешь спросить.

— Сейчас нужно открыть письмо отца.

Он снова выбрал задачу. Но на этот раз Мира услышала не отказ, а страх того, что личный разговор изменит слишком многое до того, как они поймут прошлое.

— Хорошо, — сказала она. — Сначала письмо.

ГЛАВА 21. Правила безопасности

Перед тем как открыть конверт, Артём попросил Миру пройти по залу и показать все места, куда она входила без его разрешения.

— Это допрос?

— Инструктаж.

— Поздний.

— Поэтому подробный.

Они двигались вдоль первого ряда. Мира указала сцену, лестницу к аппаратной, кабинет Павла и технический коридор за экраном. Артём отмечал маршруты на плане.

— Подвал? — спросил он.

— Только у входа.

— Одна?

— С Даней.

— Когда?

— Вчера.

Он остановился.

— Вчера я письменно запретил спуск до проверки перекрытия.

— Мы не спускались. Посветили с лестницы.

— Ступеньки — часть подвала.

— Иногда ты напоминаешь дорожный знак, который научился осуждать.

— А ты человека, который считает предупреждение приглашением проверить границу.

Мира сложила руки.

— Что будет, если я нарушу?

— Закрою доступ всем собственникам.

— Не имеешь права.

— Через суд — имею.

— Ты подашь на нас в суд?

— Если это единственный способ не вытаскивать тебя из обвала — да.

В его голосе было больше, чем профессиональная строгость. Мира посмотрела внимательнее.

— Ты действительно думаешь, что я настолько безрассудна?

— Я думаю, ты можешь убедить себя, что риск оправдан, если за стеной лежит ответ.

— А ты можешь убедить себя, что любовь — риск, который проще исключить.

Слова вырвались прежде, чем она решила.

Артём убрал планшет.

— Мы договаривались о письме.

— Мы договаривались общаться только по объекту, а потом ты приехал за мной к Волкову.

— Потому что была угроза.

— И сидел у больницы моей матери шесть лет назад, когда ей делали обследование. Тоже безопасность объекта?

— Ты хочешь выяснить, что между нами, стоя под аварийной фермой?

— Нет. Я хочу понять, почему ты позволяешь себе заботиться только тогда, когда можно назвать это инструкцией.

Артём посмотрел вверх. Несущая конструкция была скрыта потолком, но он будто видел каждую трещину.

— Мама погибла, потому что люди знали о риске и решили, что он допустимый, — сказал он. — Отец подписал ограничение для одной части цеха. Рухнула другая. Он не был виноват по нормам. Но после этого больше не верил слову «достаточно».

Мира знала о смерти его матери, но не о роли Олега.

— Почему ты не рассказывал?

— Потому что ты бы начала доказывать, что он не виноват.

— Разве это плохо?

— Иногда человеку не нужен адвокат. Нужен тот, кто выдержит, что логика не убирает вину.

Она опустила глаза.

В их общей жизни Мира действительно исправляла всё объяснением. Находила причины, статьи закона, чужую ответственность. Считала, что если назвать порядок событий, боль станет управляемой.

— Я бы выдержала, — сказала она.

— Тогда — нет.

— А сейчас?

— Не знаю.

Честность прозвучала мягче обещания.

Они дошли до пятого ряда. На шестом месте лежала копия фотографии подростков. Артём взял её.

— Ты сидела рядом с Соней?

— Через одно кресло. Между нами была Ева.

— О чём говорили перед фильмом?

— Соня спросила, люблю ли я тебя.

Артём поднял глаза.

— Меня не было.

— Поэтому и спросила.

— Что ответила?

Мира помнила. Слишком хорошо.

«Не знаю. Он всё равно уедет после школы».

Соня сказала: «Тогда скажи до того, как он уедет. Не превращай молчание в предсказание».

— Не помню, — солгала Мира.

Артём заметил, но не настаивал.

— У меня тоже есть правило безопасности, — сказала она. — Не использовать заботу вместо разговора.

— Это правило для кого?

— Для нас обоих.

— У нас нет «нас».

— Тогда выполнять будет легко.

Она пошла к кабинету. Артём остался у шестого места ещё на несколько секунд.

Когда он вошёл, письмо лежало на столе, рядом — нож для бумаги. Мира не прикоснулась.

— Готов? — спросила она.

— Нет.

— Я тоже.

Он сел напротив.

Впервые их объединяла не уверенность, что нужно сделать, а согласие в том, что оба боятся.

ГЛАВА 22. Письмо Олега

Бумага в конверте была сложена вчетверо. Внутри лежала ещё одна фотография — распределительный щит после пожара — и маленький ключ без бирки.

Артём развернул письмо.

Почерк отца оказался хуже, чем в рабочих записях. Строки уходили вниз, некоторые слова были переписаны поверх. Он начал читать молча.

Мира ждала.

Через минуту Артём положил лист на стол.

— Не могу.

— Прочитать?

— Вслух.

Она не потянулась к письму.

— Хочешь, я выйду?

— Нет. Отец зачем-то написал твоё имя.

Он снова взял лист.

— «Артём. Если “Люмен” снова откроют, значит, Павел всё-таки решил перестать охранять тайну и начать охранять людей».

Голос Артёма был ровным, но пальцы держали бумагу слишком крепко.

— «В ночь пожара мне позвонила девочка. Она не назвала фамилию. Сказала, что мужчина по имени Кадин собирается

отключить сигнализацию и устроить короткое замыкание в аппаратной. Я приехал до вызова пожарных. Во дворе увидел Кадина и автомобиль Волкова. Кадин сказал, что проверяет охрану по просьбе собственника. Я пошёл к щиту. Он был вскрыт».

Артём остановился.

— Дальше.

— «Я вызвал расчёт через личную связь в 23:09, но диспетчер не зарегистрировала вызов, потому что я сказал ждать подтверждения. Это моя первая вина. Я боялся поднять ложную тревогу на объекте Волкова».

Мира вспомнила четыре времени в блокноте. 23:09 — первый звонок Олега.

— «В 23:11 услышал удар в аппаратной. Дверь была заперта. Кадин исчез. В 23:16 свет погас, затем пошёл дым. Официальный вызов зарегистрирован в 23:17. Девочка позвонила снова, но связь оборвалась».

— Соня, — сказала Мира.

— Возможно.

— Это она.

Артём продолжил:

— «После пожара Кадин показал документы, по которым имел доступ к щиту. Документы были датированы задним числом. Я отметил вмешательство в рабочем отчёте. На комиссии Платонов сказал, что если версия о поджоге выйдет наружу без доказательств, меня обвинят в халатности из-за

незарегистрированного вызова. Волков дал понять, что расскажет о фабрике и заключении перед гибелью вашей матери. Тогда я уже однажды ошибся, Артём. Я не хотел, чтобы ты узнал это из газет».

Голос сломался на слове «матери».

Мира сидела неподвижно.

— «Я подписал чистовой отчёт о коротком замыкании. Это моя вторая вина. После подписи сфотографировал щит и забрал копии. Не потому, что был смелым. Потому что надеялся однажды исправить, не заплатив сразу. Так не бывает».

Артём закрыл глаза.

— «Мира Зорина говорила правду, когда сомневалась в отчёте. Но она была ребёнком, а я позволил взрослым убедить её, что память ненадёжна. Если она когда-нибудь прочитает это, скажи: мне жаль не только Сони. Мне жаль всех вас, потому что наша ложь заставила детей носить чужую ответственность».

Мира отвернулась. В окне кабинета отражалось фойе, красная лента, две фигуры за столом.

— Есть ещё, — сказал Артём.

— Читай.

— «Кадин приходил ко мне в две тысячи четырнадцатом. Искал фотографии и запись первого вызова. Я спрятал материалы в камере хранения старого трамвайного депо. Ключ в конверте. Номер зашифрован четырьмя временами. Не иди

один. И не отдавай полиции, пока не сделаешь копии. Я хотел верить системе. Но система состоит из людей, а люди боются».

Последняя строка была короче:

— «Сын, безопасность — не отсутствие риска. Это решение не оставлять другого с риском одного».

Артём положил письмо.

В кабинете гудела лампа.

Мира не знала, что сказать человеку, который только что получил признание отца через тринадцать лет после его смерти. Любое утешение казалось способом ускорить процесс, который не должен был быть быстрым.

— Я была несправедлива к нему, — сказала она наконец.

— Он подписал ложь.

— И пытался остановить.

— После.

— Да.

Артём посмотрел на неё с благодарностью за это «да». Не оправдание. Не приговор.

— Ты была права, — сказал он. — В отчёте лгали.

— Это не делает правильным то, как я использовала его против тебя.

— Нет.

Они сидели, разделённые столом и письмом. Мира протянула руку, но остановила на середине.

— Можно?

Артём посмотрел на её ладонь. Потом положил свою сверху.

Прикосновение не было романтическим. В нём не было будущего, только вес настоящего.

Через несколько секунд он отпустил.

— Четыре времени, — сказал Артём. — 23:09, 23:11, 23:16, 23:17. Номер камеры.

— Или код.

— Завтра поедem в депо.

— Ты говорил, общаемся только по объекту.

— Это объект.

— Конечно.

На этот раз они оба улыбнулись.

ГЛАВА 23. Комната Олега

В квартиру отца Артём не заходил почти семь лет.

После похорон он вывез книги, одежду матери и коробку собственных школьных тетрадей. Остальное оставил как было, будто достаточно закрыть дверь, чтобы вещи перестали принадлежать времени. Квартиру сдавали знакомой семье, потом она пустовала. Ключ лежал у него в ящике рядом с документами, которые он не открывал без необходимости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.